

Артефакт – детектив. Всеслав и Ева

Наталья Солнцева
Этрусское зеркало

«АСТ»

Солнцева Н. А.

Этрусское зеркало / Н. А. Солнцева — «АСТ», — (Артефакт – детектив. Всеслав и Ева)

ISBN 978-5-699-24683-0

Владелец фирмы «Галерея» Анисим Чернов обратился к сыщику Всеславу Смирнову с просьбой о помощи. Чернову поручили организовать выставку никому не известного художника Саввы Рогожина, а лучшая картина экспозиции – «Нимфа» – пропала прямо накануне открытия. Вскоре и сам художник был обнаружен мертвым... Загадочный мир древней цивилизации этрусков, которой посвятил свое творчество Рогожин, затягивал Всеслава, и расследование не двигалось с места. Пока друг художника не рассказал Смирнову, что у Саввы было старинное бронзовое зеркало, якобы обладающее мистической силой. С помощью своей подруги и помощницы Евы сыщик выяснил: после этрусков остались уникальные зеркала. Если Савва владел одним из них, возможно, это его и погубило...

ISBN 978-5-699-24683-0

© Солнцева Н. А.

© АСТ

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Наталья Солнцева

Этрусское зеркало

Глава 1

К утру тучи разошлись, и небо стало бледно-розовым. Из-за леса медленно, торжественно вставало солнце. Верхушки деревьев тихо шумели, трава и кусты были мокрыми от ночного дождя.

В глубине молодого сосняка притаился человек. Он наблюдал за домом. Обыкновенный деревянный дом чем-то привлек его внимание.

– Ну, давай же, давай! – шептал человек. – Где же ты?

Вокруг стояла тишина, нарушаемая только птичьим чириканьем да возней насекомых. Гудели пчелы, низко пролетали зеленоватые стрекозы. Никто не входил в дом, никто не выходил из него.

– О, черт! Черт! – злился человек, переминаясь с ноги на ногу.

Дом стоял безмолвный и как будто пустой. Его окна и двери были закрыты.

– Как же так? – недоумевал человек. От волнения его ладони вспотели, лоб покрылся испариной. – Что это значит? Дом давно должна окружить толпа любопытных, здесь пора стоять милицейской машине... Где же они?

Вопросы оставались без ответа.

Человек посмотрел на часы – прошло сорок минут, как он здесь. А ничего не происходило.

Солнце поднялось над лесом, осветило тревожным заревом притихший, застывший дом. Наблюдатель нервничал все сильнее, оглядываясь по сторонам и бормоча себе под нос проклятия. Его безукоризненный план срывался – бездарно, глупо. Он все рассчитал, предусмотрел, казалось, каждую мелочь, но что-то не сработало.

Прошел еще час. Солнце начало пригревать сильнее, от земли пошел пар; запахло лесной прелью, смешанной с ароматами поздних трав и сосновых игл. Человек отступил в тень, стряхнул с рукава маленького паучка, тянущего за собой тонкую паутинку. Его терпение иссякало.

«Может, сходить посмотреть, что там?» – подумал он. По телу прокатилась волна озноба. Стало дурно. Он только представил себе картину, которую застанет внутри дома, как к горлу подступила тошнота.

– Подожду еще немного, – прошептал человек.

Следующие полчаса измотали его, довели до нервной дрожи. Дом не подавал признаков жизни.

– Чего я не учел? В чем ошибся?

Человек понял, что больше не в состоянии ждать, томиться в неизвестности. Он в очередной раз огляделся по сторонам: нет ли кого поблизости? Все было спокойно.

Наблюдатель оставил свой пост и медленно, крадучись двинулся к дому. Его туфли и края брюк намокли. Он спрятался за углом, постоял минуту и скользнул к окну. Оно было закрыто изнутри. Через давно не мытое стекло ничего не просматривалось. Второе окно оказалось ничем не лучше.

Человек метнулся на крыльцо, приткнулся к дверям – тишина. Замок поддавался легко, как и в прошлый раз. Он открывался любым гвоздем и существовал скорее как дань традиции, нежели как средство защиты. Да и от кого здесь защищаться? От воров? Так в доме брать нечего. От злодеев? Так от них не спасешься. От случайных, пришлых людей? Так они дверь шутя дернут, хлипкий замочек сам и слетит.

Человек вошел внутрь дома, плотно прикрыл за собой дверь. В воздухе витал странный, непривычный запах – запах пыли, старых вещей, свечей, дерева и тонких дорогих женских духов. Непрошенный гость замер, прислушиваясь к бешеному стуку своего сердца. Горло свело, затылок стал тяжелым, свинцовым.

Надо было идти вперед, и человек пошел, вздрагивая от каждого скрипа, шороха. В горнице, которую он не рассмотрел этой ночью в темноте, царил легкий беспорядок – вещи разбросаны, повсюду следы безалаберной, неряшливой жизни. На деревянной стене висели старомодные ходики, их стрелки показывали полночь – точку безвременья. Ходики застыли в полночи, как будто их остановила рука самой судьбы. Сумрачный свет полосами падал через грязные стекла. Под потолком кружились, монотонно жужжали мухи.

Человек заставил себя повернуть голову влево... Кровать была примята, но пуста. Пуста?! Не может быть! Ему показалось, что потолок стремительно летит вниз, все рушится, раскалывается на тысячи мельчайших осколков. Холодный пот побежал по спине, ноги приросли к полу. Сколько он простоял так, вне себя от ужаса?

– Где же ты? – спрашивал он кого-то невидимого. – Это невозможно, невозможно!

Тугая волна страха сковала его, скрутила в ледяной жгут, перехватила дыхание.

– Это невозможно! – твердил он как безумный. – Так не бывает! Где ты прячешься? Ты здесь... я знаю. Не надо меня пугать. Ты не можешь уйти отсюда...

С трудом отрывая ноги от пола, человек обошел весь дом, обшарил каждый уголок, заглянул в шкаф и под кровать. Никого...

– Может быть, ты здесь?

Он подошел к громоздкому, тяжеленному сундуку, судорожно перекрестился и рывком откинул пыльную крышку. В сундуке валялись побитые молью валенки, облезлая кроличья шапка, рядом и обломки прялки.

– Господи! – пробормотал незванный гость, хотя никогда не верил в бога. – Спаси и помилуй!

То, что он нынешней ночью оставил в доме, необъяснимым образом исчезло. Все получилось не так, как он предполагал. Совсем не так!

В голове не было ни одной мысли, только жуткая, гулкая пустота. Такая же мертвая пустота легла на сердце, придавила его, как могильный камень. Исполдволь, ниоткуда пришло понимание: не будет ему ни прощения, ни спасения. Все! Отзвенели колокола! Он привычно отогнал ощущение нависшей опасности, предчувствие скорой, неотвратимой и страшной гибели. Расплата близка...

– Нет! – упрямо, зло шептал он. – Не так просто! Не так быстро! Меня не запугаешь...

В доме стояла настороженная, угрожающая тишина. Человек нервно оглянулся, втянул голову в плечи и, стараясь ступать неслышно, пошел к выходу. Он не знал, что ему теперь делать, что думать, куда податься.

Выскользнув из дома, он тенью метнулся к лесу, нырнул в его спасительную чащу, побрел, не разбирая дороги. Дом остался позади. Он молча смотрел вслед человеку – мрачный, угрюмый, хранящий свою тайну.

* * *

Господин Чернов не отходил от телефона, а ожидаемого звонка все не было. У него разболелась голова. Ему с самого начала не понравилась эта затея с выставкой, но... спонсор предложил весьма приличное вознаграждение за организацию вернисажа, и Чернов согласился.

– Надо доверять себе, своей интуиции, – держась за сердце, сам с собой разговаривал Анисим Витальевич. – И не брать в расчет проклятые деньги, сколько бы их ни сулили!

Это была трудная задача для господина Чернова. Деньги он любил намного сильнее, чем творчество, и ради них забросил карьеру художника. Он пописывал мрачноватые пейзажи с претензией на изысканную, рафинированную интеллектуальность, но не нашел среди московской публики достойного признания и решил посвятить себя искусствоведению. Критиковать и легче, и куда приятнее, чем самому быть объектом критики. Анисим Витальевич в полной мере испытал чашу унижения на своей первой и последней авторской выставке, когда чванливые посетители с брезгливым и несколько презрительным выражением на лицах бродили по полупустому залу, а маститые художники вовсе не явились, хотя Чернов сам, лично, разослал им персональные приглашения. Они, видите ли, сочли выставку начинающего, никому не известного автора недостойной их драгоценного внимания!

Подобное пренебрежение сломило творческий дух господина Чернова, и он раз и навсегда поставил на занятиях живописью жирную точку. Художник уступил место критику и дельцу от искусства. Анисим Витальевич писал статьи в журналы, консультировал покупателей картин, наладил связи с коллекционерами и пять лет назад создал собственную небольшую фирму со скромным названием «Галерея».

Фирма эта занималась организацией художественных выставок на деньги авторов или спонсоров. При соответствующей ловкости, рекламе и, главное, щедрых финансовых вливаниях можно было расхвалить и продать любую мазню. Многие любители, которые не имели таланта, но заработали достаточно денег, решили наконец явить плоды своих трудов публике. Им-то и помогал господин Чернов и его «Галерея».

Продажа картин была делом второстепенным. Заказчиков интересовало другое – известность, возможность ощутить себя своим в творческой среде, окунуться в нее, вкушать лавров духовных, потому как денежные амбиции были давно удовлетворены и потеряли актуальность. Когда материальные потребности реализованы, наступает очередь потребностей души. Так что работы фирме «Галерея» хватало.

Анисим Витальевич прекрасно понимал своих клиентов, умел щадить их самолюбие, тонко лавировать в разговорах и без излишней, видимой лести высказывать свое восхищение их «самобытным, оригинальным творчеством». Он научился угождать этим людям так, что они не замечали его угодливого. Он делал для них то, в чем они нуждались, и «Галерея» процветала.

Очередной заказ свалился как снег на голову, когда господин Чернов собирался провести дней десять на берегу Средиземного моря. Билеты уже были куплены, жена уложила чемоданы, и тут планы Анисима Витальевича резко изменились.

Ему позвонил посредник, который назвался Геннадием, и назначил встречу в ресторане «Богема», где частенько обедал и ужинал господин Чернов. Бесстрастно-вежливый, с ледяным блеском в глазах, посредник произвел на хозяина «Галереи» жутковатое впечатление.

– У господина, интересы которого я представляю, есть поручение к вам, уважаемый Анисим Витальевич, – сказал Геннадий, слегка наклоняя прилизанную голову. – Нужно организовать выставку работ малоизвестного, но необычайно талантливого художника. Думаю, к концу августа вы справитесь.

– Я уезжаю в отпуск, – робко пробормотал Чернов, избегая смотреть посреднику в глаза. – В мое отсутствие делами занимается господин Шумский, мой заместитель и компаньон. Так что обратитесь пока к нему.

– Желательно, чтобы эту работу сделали именно вы, – блеснул глазами посредник, вытащил из кармана толстый конверт и придвинул его по клетчатой скатерти к Чернову. – Это аванс, – пояснил он.

Толщина конверта поразила Анисима Витальевича. Стараясь сдержать дрожь в руках, он приоткрыл конверт, увидел пачку долларов и тут же опустил деньги в большой внутренний карман пиджака, предназначенный именно для таких случаев.

– Ну как, беретесь? – усмехнулся Геннадий. – Судя по всему, я могу доложить моему поручителю о вашем согласии.

Хозяин «Галереи» кивнул головой, изо всех сил сохраняя приветливо-деловое выражение лица. Ради такого заработка отдых придется отложить. Невелика беда, в октябре они с женой поедут куда-нибудь в Тунис, когда спадет ужасающая жара и опустеют переполненные туристами отели. Так будет даже лучше.

– Могу я узнать имя вашего поручителя? – приободрившись и обретая былую уверенность, поинтересовался Чернов. – Желательно знать, кому оказываешь услугу.

– Не все желания сбываются, – резко, без улыбки ответил Геннадий. – Господин, которого я представляю, будет общаться с вами через меня. Ведь самое главное – своевременная и щедрая оплата ваших усилий, драгоценнейший Анисим Витальевич, не так ли? Вы не пожалеете о нашем взаимовыгодном сотрудничестве, уверяю вас.

Чернов подавил комок в горле и судорожно кивнул. Явственно прозвучавшая в голосе посредника угроза парализовала его волю. С сильными мира сего лучше быть покладистым. В конце концов, какая ему разница, кто платит? Наверное, некий богачей «продвигает» свою любовницу или любовника. В последнем случае огласка особенно нежелательна. Если же заказчик имеет отношение к политике, тем более он будет сохранять инкогнито. Возможен еще один вариант: бизнесмен сам является автором выставляемых работ и хочет скрыть этот факт... по разным причинам.

– Меценатство может быть бескорыстным, – словно прочитал его мысли Геннадий. – Из любви к искусству.

Последняя фраза прозвучала с затаенным сарказмом.

– Я могу узнать хотя бы имя художника? Или автор тоже желает остаться неизвестным?

– Отчего же? – вскинул жидкие брови посредник. – Имя художника я вам сообщу. Это некий Савва Рогожин, проживающий в подмосковном поселке Лоза. Приходилось слышать?

Анисим Витальевич задумался. Где-то он слышал фамилию Рогожина, но в связи с чем? Кажется, художник ничем не выдающийся, работающий в какой-то редкостной манере, абсолютно непопулярной в богемных кругах столицы.

– А какого рода живопись э-э... господина Рогожина? – решил уточнить хозяин «Галереи». – Есть ли необходимость устраивать...

– Организуйте все по высшему разряду, – перебил его Геннадий. – И не экономьте средства, в этом нет необходимости. Кстати, переданный мной аванс предназначен лично вам, а деньги на устройство выставки будут завтра перечислены на счет вашей фирмы.

Анисим Витальевич еще больше удивился, но виду не подал. Щедрость заказчика казалась поистине неслыханной. Мысли замелькали, путаясь и сбиваясь, опережая одна другую. Савва Рогожин *любовницей* неизвестного господина быть никак не мог. Значит, любовник? Не мешало бы посмотреть на него – «голубизну» не спрячешь, она накладывает определенный отпечаток на личность, который не заметить невозможно, особенно при наметанном глазе. А у Чернова глаз был именно такой. Он привык к среде творческих людей, которые не признавали устоев и ограничений, ибо талант свободен в своем проявлении. Впрочем... возможно, художник Рогожин – внебрачный сын мецената или... «Что зря гадать? – одернул себя Анисим Витальевич. – Встречусь, пообщаюсь, тогда и сделаю выводы».

На следующий день позвонил Геннадий и передал пожелания заказчика.

– Мой поручитель просит устроить фуршет для всех желающих... посетителей выставки, разумеется, – сухо усмехнулся он. – И еще. Пригласите на вернисаж музыкантов: чтобы это непременно были флейтисты и... исполнители на старинных щипковых инструментах.

– Каких именно? – удивился Чернов.

– Ну, я не знаток... – лениво ответил Геннадий. – Вам виднее.

И положил трубку.

– Черт! – выругался Анисим Витальевич. – Странные прихоти, однако, у этого мистера Икс!

– Он платит, – заметил Шумский, партнер Чернова по бизнесу. – И весьма щедро. Ты сам поедешь к Рогожину или это сделать мне?

– Сам!

Анисим Витальевич не выносил переполненных электричек и отправился в Лозу на своей машине. Он долго петлял по пыльным, утопающим в садах улочкам. Солнце садилось. Верхушки деревьев горели в его закатном золоте.

Художник Рогожин проживал на втором этаже двухэтажного деревянного дома старой постройки. Двор зарос рябиной и высокими, перецветшими акациями; на крыльце дома сидел огромный рыжий кот, шурился и помахивал хвостом.

Господин Чернов с опаской поднялся по темной скрипучей лестнице к обшарпанной, выдавшей виды двери, постучал. За дверью стояла сонная, тоскливая тишина... Анисим Витальевич постучал уже не осторожно, а громко и решительно. Где-то в недрах квартиры зародились непонятные звуки, постепенно превращаясь в чьи-то шаги по разошедшимся половицам.

– Кто там? – спросил хриплый, настороженный голос.

Анисим Витальевич почувствовал себя неловко.

– Я Чернов! – ответил он. – По поводу выставки ваших работ.

За дверью снова воцарилась тишина. Потом звякнула цепочка, со стоном открылся допотопный замок, и гостя обдали запахи масляных красок, растворителей, лаков, мела, угля, холстов и еще бог знает чего. Из темного проема на него уставился крепкий, приземистый, небритый мужик, стриженный по-старинному – в скобку, в простой рубахе навывпуск.

– Какой выставки? – сердито спросил мужик, не собираясь приглашать Чернова в свое жилище.

– Вы Рогожин? – уточнил гость. – Художник?

– Ну...

– Я организую выставку ваших работ, – объяснял Анисим Витальевич, постепенно накаляясь. – В Москве, в одном из лучших выставочных залов. Вам об этом известно?

– Ну... – все с тем же неопределенным выражением произнес мужик.

Он напоминал Чернову нечто среднее между Гришкой Распутиным и Емелькой Пугачевым: крепок, кряжист, да только росточком не вышел. Не в пример вышеупомянутым господам.

С того неприветливого знакомства почтай месяц прошел. Анисим Витальевич в смятении и непроходящем замешательстве ознакомился с живописью Рогожина, отобрал работы – картины, эскизы фресок, наброски, этюды. Пригласил специалистов по дизайну интерьера, чтобы все было выдержано в духе и стиле представленных творений, позаботился о рекламе, подобрал музыкантов, заказал оригинальное меню для фуршета, оповестил коллекционеров и даже успел создать легкий ажиотаж вокруг будущего вернисажа. Словом, потрудился на славу. Геннадий держал процесс под контролем и остался доволен. Кажется, был удовлетворен и неизвестный меценат.

Выставка была готова к открытию, а Савва Игнатьевич Рогожин... исчез. Как в воду канул. Это известие выбило господина Чернова из колеи, спровоцировало сердечный приступ.

– Съезди-ка в Лозу, – посасывая валидол, велел он Шумскому. – Отыщи этого негодника и привези сюда. Он меня без ножа режет.

– Может, он в запое? – предположил компаньон.

– Какая разница?! – простонал Анисим Витальевич. – Бери его под белы ручки, тащи в машину и вези в Москву. А не сможет идти – неси на руках. Возьми с собой хоть Сёмку, он подсобит.

Шумский и Сёмка – Семен Ляпин, который работал в «Галерее» охранником, грузчиком и водителем одновременно, – отправились в поселок Лозу. От них-то и ждал звонка встревоженный Чернов. Но долгожданный звонок поверг его в панику.

– Рогожина дома нет, – волнуясь и шумно дыша в трубку, сообщил Шумский. – Соседи его уже несколько дней не видели... говорят, загулял Савва. Где его искать-то?

Глава 2

Всеславу Смирнову, частному сыщику, позвонил его давний приятель Леша Данилин – ныне Алексей Степанович, ведущий инженер крупного московского предприятия. Раньше Лешка жил в шумной коммуналке вместе со Смирновыми и был приятелем всех детских игр Всеслава. Потом их пути разошлись. Славку мать определила в Суворовское училище, а Данилин окончил школу с золотой медалью и поступил в Бауманское. Но друзья продолжали встречаться. Смирнов избрал военную карьеру, а Лешка – научную, связанную с применением лазерной техники в области космических исследований. Пока Всеслав воевал в «горячих точках», Данилин защитил докторскую и получил место в закрытом институте, занимающемся разработками и производством космической техники.

Славка расстался со спецвойсками, вышел в отставку и вернулся в столицу – работал охранником, потом решил открыть детективное агентство. Частный сыск захватил его, восполнил то, чего Смирнову не хватало – дал пищу интеллекту. Экстремальные ситуации, адреналин плюс тонкие коллизии, запутанные клубки противоречий, сплетенные человеческим разумом, давали ему истинное наслаждение проявлять не столько силу, сколько изысканную игру ума. Что оказалось гораздо интереснее, чем сутками сидеть в засадах, изнывая от зноя и жажды, громить аулы и преследовать банды боевиков, прячущиеся в горах.

По возвращении в Москву Всеслав пару раз встречался с Данилиным – они тепло поговорили, поделились изменениями, которые произошли в их жизни, повспоминали беззаботное детство, казаков-разбойников в московских переулках, выпили изрядное количество коньяка и пообещали впредь не терять друг друга из виду. Но, как водится, слова словами, а жизнь берет свое: суета, текучка, тысячи неотложных дел, повседневные заботы... и встречи откладываются на потом. А *потом* никогда не наступает: это вечное будущее, которому не суждено стать настоящим.

Звонок Данилина удивил и обрадовал Всеслава.

– Леха, ты?! Вспомнил, чертяка!

– Вспомнил... – упавшим голосом отозвался друг детства. – Беда у меня, Славка. Сестра пропала. Сбежала со своим идиотом Глебом! Мать этого не переживет... После смерти отца я отвечаю за Алису. Недосмотрел... Помоги, умоляю! Я заплачу.

– Со своих денег не беру, – ответил сыщик. – Рад бы помочь, но... для любви законы не писаны, ты же знаешь. Ну, найду я твою Алиску, а дальше что? Пошлют они с этим Глебом меня подальше и будут правы. Сколько твоей сестре лет?

– Двадцать...

– Тем более! Она уже взрослая, Леха.

Господин Смирнов принципиально не брался за дела, связанные с личной жизнью клиентов: следить за неверными супругами, разоблачать «изменников» и фотографировать любовников на ложе страсти было не в его вкусе. Он считал ниже своего достоинства заниматься подобными вещами и предпочитал сложные, лихо закрученные истории, где можно помериться силами с коварным противником. Девчонка с парнем, которые сбежали из-под чрезмерной опеки родственников, ему были неинтересны.

– Помоги, друг! – взмолился Данилин. – Ты только найди сестру, а я уж потом сам все улажу. Мать тяжело больна, ей остался год, может, полтора... и тут это! Как я ей скажу?! Она с Алиски пылинки сдувала, тряслась над ней как безумная.

– Ладно, – вздохнул Смирнов. – Валяй, рассказывай все по порядку.

После долгого сбивчивого повествования, изредка прерываемого вопросами сыщика, картина вырисовалась следующая.

Алиса Данилина, красивая, умная и романтически настроенная девушка, студентка финансового вуза, по уши влюбилась в своего сокурсника Глеба Конарева, ответила на его ухаживания, и молодые люди начали встречаться. Конарев абсолютно не отвечал «семейным» требованиям к мужчине, достойному руки и сердца очаровательной Алисы.

– Он жалкий, неотесанный провинциал, – возмутился Леша. – Живет в общежитии, подрабатывает грузчиком в магазине! Ты представляешь? Ну, что он может предложить такой изнеженной, избалованной девушке, как Алиса? Жаркие ласки, постель? Сомневаюсь, чтобы у него нашлась пара чистых простыней, не говоря уже об остальном! Не понимаю, как она могла...

– Ле-е-еха, не утрируй, – взывал к его рассудку Смирнов. – Когда-то и мы с тобой были обитателями коммуналки, ждали своей очереди в туалет и обедали на общей кухне. Разве это нас испортило?

– То были другие времена!

– Времена всегда одни и те же, – возражал Всеслав. – И каждое время хорошее и трудное по-своему. А трудности закаляют мужчину.

– Алиска просто дуреха, а он... наобещал ей небось с три короба! Она же у нас на Тургеневе воспитана, на Льве Толстом, на Бунине... в людях совершенно не разбирается, готова поверить первому попавшемуся прощелью! Для нее же чувства превыше всего. Какие там расчеты, какие материальные блага, когда – извольте видеть – любовь! Благоговейте и трепещите!

Последние слова Алексей Степанович выговорил с такой злой иронией, что Смирнов удивился.

– Досталось тебе от жизни, Леша... – вздохнул он. – Потрепала она тебя, браток.

– Я два раза разводился и сыт этой любовью по горло! Вторая жена отсудила у меня дачу, машину, даже телевизор и холодильник забрала – спасибо, хоть крыша над головой осталась. За одно бога благодарить следует, что детей не дал.

Всеслав понял, что об искренних чувствах с Данилиным пока говорить не стоит, слишком свежи раны, нанесенные неудачной семейной жизнью.

– Так сколько дней назад Алиса ушла из дома? – спросил он.

– Пять...

– Панику поднимать пока рано. Потрется по чужим углам, проголодается и вернется. Деньги у нее есть?

– Откуда? Хотя... я держу дома некоторую сумму, в записке.

– Можешь посмотреть, все ли на месте?

Алексей Степанович отправился проверять тайник. Через несколько минут он вернулся и доложил, что все деньги в целостности и сохранности, стало быть, Алиса ничего с собой не взяла – даже вещей. Только сумочку, в которой носила косметику и разные женские мелочи.

– Странно... – заметил сыщик.

Отчего-то полное бескорыстие Алисы его встревожило. Уйти из дому, не прихватив с собой пары платьев и смены белья, казалось совсем уж детской беспечностью и непредусмотрительностью. Тогда получается, что побег не планировался и произошел случайно, под влиянием внезапных изменений, каких-то непредвиденных обстоятельств.

– Ведь этот ее блаженный Глебушка гол как сокол! – продолжал негодовать Данилин. – Одни джинсы на все случаи жизни, пара маек и кроссовки. Все! Ни своего угла, ни постоянного заработка... Боже мой! Бедная девочка... она с ним нахлебается.

– Ты к нему в общежитие ходил? – спросил сыщик. – Ну, к Глебу?

– Я туда звонил. Сейчас лето, и все студенты разъехались по домам, так что идти некуда. Глеб там не живет. Наверное, они смылись к нему в Серпухов. Адреса я, разумеется, не знаю. Поэтому и обратился к тебе. Должен же быть какой-то способ разыскать их?

– Подожди, Леша... – перебил его Смирнов. – А с чего ты взял, будто Алиса сбежала с Глебом?

– Ка-а-ак? – опешил тот. – А с кем же? Она записку оставила... «Отправляюсь в Страну чудес. Когда наскучит, вернусь», – дословно. Знаешь такую книжицу: «Приключения Алисы в Стране чудес»? Сестра в детстве с ней не расставалась.

– Понятно, почему она не взяла с собой ни вещей, ни денег. В Стране чудес они не нужны.

– Тебе смешно, а мне не до шуток! – обиделся Данилин.

– Прости, старина. Я не хотел... – вздохнул Всеслав. – А каким образом эта записка указывает именно на Глеба?

– Что же еще за Страна чудес такая? Алиска у нас нежная и падкая на всякие сентиментальные штучки. «Любовь – волшебная страна, и только в ней бывает счастье!» Помнишь фильм «Жестокий романс»? Сестра его раз двадцать смотрела, слезами обливалась. Песни оттуда выучила и на гитаре брэнчать научилась. Я сам ей гитару подарил – дорогую, ручной работы.

– Гитару она тоже с собой не взяла?

– Нет. Висит в ее комнате, на стене.

– Да не волнуйся ты Данилыч, – как можно мягче сказал сыщик, называя товарища старым детским прозвищем. – Найдем мы твою Алису.

– Мало ее батя лупил! – воспрянул духом Алексей Степанович. – Вернется – убью собственными руками!

* * *

Выставочный зал производил впечатление античных развалин в духе архаики. Дизайнеры постарались на славу. Оформление было выдержано в зеленовато-бирюзовых тонах, подсветка работ замаскирована, взятые напрокат статуи богов с застывшими на лицах загадочными архаическими улыбками гармонично вписывались в интерьер. На все это ушло немало денег заказчика, и выставка готова была принять первых посетителей через два дня, как и заявлялось в развешанной по городу рекламе, в ярких цветных буклетах, в газетах и журналах.

Господин Чернов бродил вдоль стен, рассматривая картины и эскизы Саввы Рогожина, вспоминая, как он в первый раз зашел в мастерскую художника, которая располагалась в деревянном доме в Лозе, в одной из комнат его квартиры. Увиденное поразило Анисима Витальевича. Судя по внешнему виду Рогожина, он ожидал увидеть нечто старославянское или примитивную живопись, похожую на лубок. Ничего подобного. Темные от времени деревянные стены с вылезающей из пазов паклей были увешаны и уставлены картинами, кусками картона и холстами без рам, на которых жила таинственная, покрытая дымкой полуденного зноя древняя южная страна – солнце и море, зеленые холмы, белые храмы, архаические боги и люди, одетые в тонкие хитоны и легкие сандалии. Люди пировали, охотились, танцевали, воевали, жрецы совершали обряды и предсказывали будущее, ныряльщики прыгали в прозрачную воду с отвесных скал, рыбаки вытаскивали сети с уловом, женщины прихорашивались, мальчик-флейтист развлекал своего пышно разодетого хозяина...

– Что это? – невольно спросил Чернов, оборачиваясь к художнику.

Тот стоял подбоченившись, сверкая глазами из-под жесткой челки. Не верилось, что этот грубый, небритый мужик в простой косоворотке создал всю эту изысканную, тонкую, состоящую из полутонов и пленительных, текучих линий красоту. Сюжеты были взяты им как будто из жизни, если бы мастерская находилась не в подмосковной Лозе начала двадцать первого века, а где-нибудь на благоухающей померанцевыми рощами земле Апеннин пару тысяч лет назад, а может, и больше. В те времена, когда под ярким синим небом расцветала эллинская цивилизация.

– Этрусски... – буркнул Рогожин. – Они жили в первом тысячелетии до нашей эры на Апеннинском полуострове. Я хочу возродить их уходящую культуру.

– Но почему?

– Греция и Рим уже не то... – невольно отвечал художник, погружаясь в свои мысли. – Слэщавая и прилизанная эстетика выхолостила силу и прелесть подлинного искусства, красивость заменила красоту. Знаменитый Рим взошел на костях и крови этрусков, вырос на их корнях, отобрал у них все, что было возможно, – свободу, обряды, инженерный гений... все, кроме души. Это украсть оказалось не под силу даже римлянам.

Странно было слышать такие речи из уст Саввы Рогожина. Хозяин «Галереи» ощутил себя в некоем виртуальном пространстве, где время внезапно с ужасающей скоростью пошло вспять. Ему стало не по себе.

– Зябко тут у вас, – сказал он, чтобы поддержать разговор.

– Северная сторона, – кивнул Рогожин. – Сумрачно и прохладно, как в этрусском склепе. Он коротко хохотнул и тут же обрел прежнее суровое выражение лица.

По спине господина Чернова пополз липкий холодок. Однако он не прохладиться сюда приехал, пора и к делу приступать.

– Какие из работ вы бы хотели выставить? – повернулся он к художнику. – Есть особые пожелания? На чем следует акцентировать внимание?

Рогожин задумался.

– Вот на этих эскизах, – наконец ответил он, показывая на ряд огромных картонов. – Они созданы по мотивам фресок из гробниц Тарквиний. К сожалению, этрусски гораздо серьезнее относились к загробной жизни, нежели к светской. Их города не сохранились, потому что строились из глины и дерева, тогда как гробницы возводились на века. Пожалуй, только Египет может сравниться с Этрурией по значению заупокойного культа.

Анисим Витальевич дрожащими руками перебирал картоны. От них веяло древностью и какой-то непонятной жутью. Переход в новый мир далекие этрусски представляли себе наподобие вечного пира – веселье, радость, беспечное наслаждение... играет музыка, танцовщицы кружатся в пляске, мужчины пьют вино, обнимают улыбающихся, нарядных женщин... по голубым небесам летают птицы... плещется море... повсюду зеленеют ветви и кусты лавра... но все это неуловимо пронизано страхом смерти. Безмятежное ликование будто бы магически заклинало мрачный момент ухода, скрывало и отодвигало его в глубины сознания.

Впрочем, эскизы были прекрасны, и Чернов выразил свое неподдельное восхищение ими. Рогожин расплылся в довольной улыбке, оттаял.

– Я ездил на полгода в Италию, – признался он. – Бродил там по этрусским некрополям, по музеям... дышал воздухом развалин, писал. Потом деньги закончились, и я вернулся. Мои картины никто не хотел покупать.

Художник деликатно обходил вопрос финансирования выставки стороной, и Чернов подыгрывал ему. Словно это происходило само собой, без чьего-либо вмешательства. Хозяину «Галереи» почти не приходилось притворяться – живопись Рогожина ничем не походила на то бездарное «творчество», которое ему зачастую надо было выставить, расхваливать и продавать, что он научился весьма успешно делать.

– Мне нравится, – искренне сказал Анисим Витальевич, рассматривая эскизы. – Жутковато, не скрою. Зато смело, тонко и необычно. Удалось передать *настроение*. А эти переливы полутонов, сотни оттенков зеленого, синевы, бирюзы... свежо, великолепно! Впечатляет.

– У меня есть одна незаконченная картина... – пробормотал художник, явно ощущая некоторую неловкость. – Посмотрите. Она немного выбивается по настроению и манере письма из общего ряда, но...

Он замолчал, отошел в дальний угол и достал полотно, завернутое в кусок белой ткани. Картина оказалась размером метр на семьдесят сантиметров. На ней была изображена нимфа, убегающая от бога Аполлона. Мифический сюжет картины своеобразно представлял это «трагическое» событие: нимфа Дафна – обнаженная, юная и сияющая красотой – сильно смущена

преследованием лучезарного бога; она пытается укрыться от него в прибрежных зарослях... Аполлон устремлен за нею, его зрелая, чуть отяжелевшая фигура написана вполборота, спиной к зрителям и лицом к прелестной Дафне. Пространство между ними будто вибрирует, наполненное напряженными, густыми токами любви, страстного влечения и смятения.

Написанная в тех же зеленовато-золотых тонах, картина захватывала, приковывала внимание какой-то своей натуралистичной дикостью, броской, чувственной красотой традиционно более светлого женского тела и темного мужского; варварски-грубовато, но точно переданным сексуальным порывом, которого не смогла скрыть дымка античной мифологии, нанесенная художником поверх вызывающе откровенной сцены.

– Потрясающе... – выдохнул господин Чернов, ощущая сухость во рту и учащенное сердцебиение. Он не мог отвести глаз от единственного контрастного пятна картины – драгоценного сиреневатого блеска ожерелья нимфы, составляющего весь ее наряд. – Сколько вы за нее хотите?

– Картина не продается! – резко, сварливо ответил Рогожин.

– Жаль... она могла бы принести вам не только славу, но и прибыль.

– «Нимфа» не продается, – упрямо повторил художник, наклоня лобастую голову. – Я закончу ее и привезу. Сам. После выставки она должна вернуться ко мне.

Он сказал это о «Нимфе», как о живом существе.

Господин Чернов не стал спорить с ним. Когда Рогожин услышит, сколько денег он сможет получить за картину, он поведет себя по-другому. Бедняга просто не представляет себе, какую цену можно будет «накрутить» на полотно, если устроить после выставки аукцион.

– Вы пишете с натуры? – поинтересовался Анисим Витальевич.

– В основном моя натура – это мое воображение, – усмехнулся художник. – В нем я черпаю и сюжеты, и образы. Большинство работ написаны мною в этой мастерской, в полутьме, под завывания вьюг и шум дождей. Солнечная Италия еще притягательнее, когда смотришь на нее, находясь в этом затерянном уголке мира, в старом, скрипучем деревянном доме... она оживает на холстах с невиданной страстью!

Савва Рогожин внезапно осекся, словно устыдившись своего порыва, ушел в себя.

Время шло, работы были перевезены в Москву, на склад «Галереи». Художник не вмешивался в подготовку выставки: он один раз приехал, окинул интерьер зала равнодушным взглядом, молча кивнул головой, вскользь упомянул о каком-то недавно полученном заказе и уехал в свой поселок. Потом он наведился второй раз, передал Чернову «Нимфу» и больше не появлялся.

– О чем задумался, детина? – громко произнес Шумский на ухо Анисиму Витальевичу, застывшему у эскиза фрески «Ныряльщики». – Никак они тебя околдовали, эти этруски? Они были мастера на всякие магические штучки. Гляди, как бы худа не вышло. Я в детстве рассказ читал... не помню чей – «Этруская ваза» называется. Страшный рассказ! Я потом несколько ночей не спал, боялся.

– Хватит нагнетать, Федя! – рассердился Чернов. – Ты лучше Рогожина ищи.

– Где ж я его найду? Он, говорят, выпить не промах и по бабам... Загулы у него случаются время от времени. Найдется!

– А если нет? Через два дня вернисаж.

– Разве в условия заказчика входит непременно присутствие на выставке автора?

– Нет, но это само собой разумеется.

– Тогда надо частного детектива нанимать, – вздохнул Шумский. – Одному мне не справиться. Каждая работа профессионального подхода требует. Тем более денег у нас на счету еще навалом.

– А фуршет?

– Там на пять банкетов хватит, – успокоил Чернова Федор Ипполитыч. – Не то что на фуршет. Кстати, долго свято место пустовать будет?

Шумский показал на приготовленную для «Нимфы» часть стены, оригинально подсвеченную с трех сторон.

– Перед самым открытием повесим, – жестко сказал хозяин «Галереи». – Так спокойнее.

– Мудришь ты, Анисим. Ведь это, чай, не «Джоконда»! Всего-то – неизвестная картина неизвестного художника. Кто на нее позарится?

Глава 3

После двух недель, проведенных в Крыму, Всеслав Смирнов разленился. Он вновь привыкал к шумной, суетливой Москве и не собирался сразу приступить к работе. Звонок Данилина оказался нехстати. Заниматься поисками сбежавшей девицы так не хотелось, что сыщик всячески откладывал это дело.

Смирнов и Ева – женщина, на которой он собирался жениться, – неделя как вернулись из Коктебеля. Прозрачный горный воздух, запах южных растений, фрукты и море очаровали Еву. Она часами бродила по обрывистому берегу, собирала камешки и раковины, яркие крымские цветы, наслаждалась шумом прибоя, криками чаек... Уезжать не хотелось.

В самолете Ева положила голову Славке на плечо и заснула. Ей снились полуобвалившиеся колонны Пантикапея, бывшей столицы Боспорского царства. Она упростила Смирнова посмотреть склеп Деметры.

– Древние греки почитали эту богиню как покровительницу земледелия и плодородия, – шептала она Славке на ухо, крепко держа его под руку. – Деметра – сестра самого Зевса! И мать Персефоны...

– А кто такая Персефона? – без интереса спросил он.

Глаза Евы стали большими и темными.

– Супруга Аида... повелителя царства мертвых, – наклонившись, прошептала она.

– Вот о мертвых лучше не поминать всуе, – суеверно вздохнул Смирнов. – А тем более о царстве Аида, мрачного и грозного подземного владыки. И как эта... Персефона жила там с ним?

– Привыкла, – серьезно ответила Ева. – Куда ей было деваться? Страшный Аид увидел Персефону, влюбился в нее и похитил красавицу. Боги тоже не чужды страстей человеческих. Ты веришь в то, что все мифические персонажи на самом деле существовали когда-то? И что есть Олимп... где-то в другом измерении?

– Не знаю, – Всеслав улыбнулся. – Может быть.

Город Керчь был пыльным, жарким и мало чем напоминал античный Пантикапей. Вдоль дорог тянулись сплошной стеной беленые каменные заборы, над которыми простирала пышные ветви старые ореховые деревья, под ногами валялась раздавленная, горько пахнущая кожура орехов и желтеющая от зноя листва. Господин Смирнов ощутил легкую тревогу. Нехстати Ева затеяла этот разговор о царстве Аида!

– Тьфу-тьфу! – на всякий случай сплюнул он. – Прочь, смерть и тлен! Да здравствует жизнь!

– Что с тобой? – удивилась Ева.

– Да так, ничего...

Стояло безветрие. Море лежало внизу – синее, маслено-стеклянное. Вдали виднелись рыбацкие шаланды, по горизонту в желтоватом мареве призраком проплывало пассажирское судно. Каменистые берега заросли пожухлой травой, полынью. В кустах жужжали насекомые...

– Пристегните ремни, – мелодичным голосом сказала загорелая стюардесса. – Наш самолет идет на посадку.

И Ева проснулась.

Москва встретила их нависшими серыми тучами, морозящим дождем, сутолокой, шумом, несущимися по шоссе автомобилями. Крым с его теплыми звездными ночами, сухим ветром, кипарисами, дынями и сладким крупным виноградом остался далеко, за степями и лесами, за сизыми, полными влаги клубами туч.

И сразу начались звонки. Еву разыскивали две женщины, которые собирались замуж в Испанию и хотели подучить язык.

– Все, отдыху конец, – с кислой миной сообщила она Всеславу за ужином. – Пора приниматься за работу. И зачем только я стала преподавателем? Раньше мне это нравилось, но сейчас... О боже!

– У тебя есть шанс переквалифицироваться, – улыбнулся он. – Будешь помогать мне разыскивать влюбленных девчонок, пустившихся в бега с бестолковыми студентами. Если бы не Леха... Ладно, старым друзьям не отказывают. У тебя завтра есть уроки испанского?

– Два, после обеда, – уныло сказала Ева. – К восьми вечера я освобожусь.

– Вот и отлично. Съездим к Данилычу, осмотрим комнату его сестры? Может, ты что-нибудь подскажешь.

– А это удобно?

Ева от радости готова была повиснуть у Славки на шее, но продолжала сохранять вид благовоспитанной леди.

– Частный сыск и деликатность – вещи почти несовместимые, – улыбнулся он. – Так что постарайся забыть о хороших манерах. Возможно, нам придется рыться в вещах этой девушки, листать ее записные книжки, читать дневник. Кстати, ее зовут Алиса.

– Она ведет дневник? – удивилась Ева.

– Не исключено. Романтические натуры любят переносить на бумагу свои переживания. Алиса Данилина – похоже, образец тургеневской девушки, занесенной коварным ветром судьбы в современную Москву.

– «Тургеневские девушки» давно вымерли. Ну, посмотрим. Вдруг Алиса окажется именно из их редкой породы? Судя по тому, что она сбежала с бедным студентом... весьма вероятно.

Следующий день выдался солнечным и ветреным. Август подходил к концу, и тротуары были усыпаны рано пожелтевшей листвой. Небо приобрело уже тот особый, холодноватый, бледный осенний цвет, который особенно любила Ева. Хорошо было идти, вдыхая чистый утренний воздух, слыша, как шуршат под ногами сбитые ветром листья. Она неторопливо шагала по кленовой аллее, любясь четкими очертаниями деревьев на светло-синем небе, проступающей кое-где желтизной, всем этим сквозящим в золотых солнечных лучах началом увядания природы. У метро продавали хризантемы и астры – цветы уходящего лета.

Ева прогулялась, сделала все необходимые покупки, вернулась домой и даже успела приготовить обед для Славки. Они все еще жили в разных комнатах, но отношения их стали очень близкими. О том, чтобы снова выйти замуж, Ева боялась и думать, хотя Смирнов не раз заговаривал с ней об этом.

– Разве нам плохо? – возражала она, избегая смотреть ему в глаза. – Я просто не могу решиться на замужество... пойми!

– Но это только формальность.

– Нет... не сейчас.

Глаза Евы наполнялись слезами, и Всеслав отступал. Он решил привлечь ее к своей работе. Общие интересы сближают.

Итак, в начале девятого господин Смирнов заехал за Евой в Богоявленский переулок, где жила ее клиентка, изучающая испанский язык, и они отправились к Данилиным.

– Нашу коммуналку расселили давным-давно, – объяснял по дороге Всеслав. – Квартиры давали в отдаленных районах, и многим не хотелось переезжать из центра к черту на кулички. Моей матери помог тогда ее научный руководитель, известный историк и археолог Стеблов, а Данилиным пришлось обосноваться в Медведкове.

Друг Славкиных детских игр проживал на седьмом этаже в девятиэтажном доме, построенном из декорированных цветной плиткой панелей. В подъезде было чисто, лампочки горели, лифт работал.

Дверь открыл сам хозяин – Алексей Степанович, и сразу приложил палец к губам.

– Ради бога, тише, а то мама разволнуется. Я ей сказал, что придут коллеги с работы. Из гостиной раздался обеспокоенный голос:

– Лешенька, кто пришел?

– Это с работы, мама, – ответил Данилин. – Не беспокойся.

Он провел Смирнова и Еву в комнату сестры, плотно прикрыл дверь и вопросительно посмотрел на сыщика.

– При ней можешь говорить все, – сказал Всеслав.

– Говорить, собственно, нечего, – развел руками хозяин. – Алиса не звонила. Никаких вестей о ней нет.

– Мы тут посмотрим ее вещи. Дневника у нее нет?

Данилин пожал плечами:

– Я целыми днями на работе, мать болеет... в общем, не знаю я о сестре ничего, – вздохнул он. – Писать она не любит. А насчет дневника... ищите. Если с собой не забрала, то должен быть здесь. Вот ее шкаф, тумбочка, книжные полки...

Он махнул рукой и тяжело опустился на стул.

Комната девушки была в идеальном порядке: раскладной диван, тумбочка и шкаф, у окна – столик с компьютером, на стене – застекленные полки, глянцевый плакат с кадром из кинофильма «Жестокий романс» – Лариса и Паратов на пароходе, с цыганами, развлекаются. Над диваном висит красивая гитара ручной работы, на тумбочке – настольная лампа и потертая книжка Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес».

Смирнову показалось, что он уже был в этой строгой, чистой комнате. Повинуясь первому импульсу, он шагнул к шкафу, раскрыл его – вещи аккуратно лежали на полках, висели на вешалках. Похоже, Алиса действительно ничего не взяла с собой, кроме сумочки.

В тумбочке нашлась пара записных книжек и несколько тетрадей, которые сыщик забрал с собой. Шкатулка с недорогими украшениями стояла на столике, и Данилин подтвердил, что почти все на месте.

– Нет ее часов, золотых сережек и колечка, которое я подарил ей на восемнадцатилетие, – сказал Алексей Степанович. – Но это понятно. Она постоянно их носит.

В компьютере тоже ничего существенного не нашлось: игры, бухгалтерские программы, материалы для учебы – все. Никаких личных писем, записок, набросков, никаких откровений. Альбом с фотографиями такой же, как у всех – детские снимки, школа, выпуск, студенческие вечеринки, пикники, экскурсии.

Всеслав выбрал несколько фото, где Алиса была вместе с долговязым молодым человеком, стриженным, с выразительными черными глазами.

– Это Глеб, – сердито сказал Данилин. – Убить мало паршивца!

Ева все время молчала, напряженно следила за действиями Смирнова, смущенно краснела. Ей казалось кощунством рыться в чужих вещах.

Хозяин квартиры искоса бросал на нее любопытные взгляды. Как бы он ни был расстроен, женщина, которую привел Всеслав, вызывала у него интерес. Она была красива той необъяснимой славяно-персидской красотой, издавна отличавшей русских княжен: огромные, чуть раскосые зеленовато-серые глаза, высокие скулы, пухлые губы и густые, вьющиеся колечками у висков русые волосы.

– Уже поздно, – сказал сыщик, закончив беглый осмотр комнаты. – Записные книжки и тетради я изучу дома. Если понадобится, приду опять.

– Да-да, конечно... – рассеянно кивнул Данилин.

* * *

Геннадий быстрой, деловой походкой вошел в зал, огляделся. Интерьер выставки был превосходен: стены, отделанные под бледный мрамор; архаические статуи Аполлона и Афродиты; пара бронзовых котлов на треножниках; на прозрачных стеллажах – греческие вазы, тяжеловесная этрусская черно-оливковая керамика, знаменитые глиняные сосуды *буккерио*, отливающие металлическим блеском.

– Неплохо, – сдержанно одобрил посредник. – Мы в вас не ошиблись, господин Чернов. Думаю, мой поручитель останется доволен: деньги потрачены не зря.

Эскизы фресок, этюды и наброски, многофигурные композиции на картонах были забраны под стекло и подсвечены, картины висели в простых полированных деревянных рамах.

– Эта голова менады восхитительна, – сказал Анисим Витальевич, сопровождающий Геннадия. – Вы не находите?

– Мне больше нравится горгона, – одними губами улыбнулся посредник, останавливаясь у изображения грозной фигуры с разинутой пастью, высунутым языком и уродливо повисшими грудями. – Она потрясающе, ослепительно безобразна! Наш Савва Никитич – гений, настоящий маэстро живописи.

Он перешел к следующей картине, на которой застыла в своем мрачном полете крылатая этрусская богиня подземного мира Вант в окружении демонов, карликов и шутовски приплясывающих уродцев.

– Вы чувствуете дыхание смерти? – шепотом спросил Геннадий, наклоняясь к уху Анисима Витальевича. – Оно витает среди этих образов, наполняя их потусторонней силой... А? Что вы на это скажете?

Чернов невольно отшатнулся. Посредник наводил на хозяина «Галереи» суеверный ужас: он сам казался одним из демонов, только одетым в дорогой костюм и причесанным в элитном парикмахерском салоне.

– Чрезвычайно выразительная манера письма у господина Рогожина, – не поднимая глаз, подтвердил Анисим Витальевич.

– Ну-ну, милейший... не пугайтесь, – успокоил его Геннадий. – Вам еще не скоро предстоит услышать шелест крыльев богини Вант!

Так, переговариваясь, они подошли к центру экспозиции, где, затмевая всех и вся, сияла, царила «Нимфа» – прозрачные, печально-испуганные глаза девушки соперничали блеском с драгоценным ожерельем на длинной нежной шее; совершенная, светящаяся изнутри фигура изогнулась в изящном порыве, исполненном предсмертной истомы... Бог Аполлон, отвернувшийся от зрителей свое лицо, казался чудовищем, преследующим юную деву.

Изысканная античная эстетика была уравновешена некоторой грубоватостью и реалистичностью рисунка, насыщена острой сексуальностью, духом желания, насилия и страха. Пленительные и плавные линии тела нимфы, ее длинных струящихся волос, тонкого стана и стройных ног перетекали в линии высокой травы, достигающей ей до пояса, деревьев и кустов лавра, где надеялась укрыться беглянка. Они составляли разительный контраст темному, бугристому торсу Аполлона, его первозданной, дикой силе и мощи, непреодолимому напору, несущему любовь и гибель.

Выдержка изменила Геннадию, он вздрогнул и застыл как вкопанный, уставившись на «Нимфу».

– А... почему я раньше не видел этой картины? – спросил он, когда к нему вернулся дар речи.

Господину Чернову пришла в голову избитая фраза: «Красота – великая сила». Иногда расхожие выражения довольно точно отражают суть вещей.

– Полотно находилось в хранилище, – ответил он. – Такая вещь заслуживает, чтобы с ней обращались бережно. «Нимфу» можно будет продать зарубежному коллекционеру за головокружительную цену. Разумеется, после того, как ее увидят все желающие. Эта картина – жемчужина выставки!

Геннадий аж затрясся, от его хладнокровия не осталось и следа.

– Кто позировал Рогожину для этой... работы? – покрываясь красными пятнами, спросил он.

«Эк тебя пробрало, братец! – злорадно подумал Чернов. – То-то же! И на тебя управа нашлась. Строишь тут из себя супермена! А у самого слюнки так и побежали при виде «Нимфы». Впрочем, я тебя понимаю».

– Не знаю, – несколько приободрившись, ответил Анисим Витальевич. – Рогожин пишет не с натуры, а в собственном воображении черпает образы. Он личность незаурядная... так что ему, может, никто и не позировал.

Такой ответ охладил Геннадия. Красные пятна поблекли, и лицо посредника приобрело более-менее нейтральное выражение. Его интерес к выставке сразу угас.

– Зал охраняется? – спросил он. – Надеюсь, никаких инцидентов не произойдет в самый последний момент?

Господин Чернов показал Геннадия, как работает сигнализация, и пообещал во избежание неприятностей оставить на ночь в помещении охранника Сему.

– Выставка работ неизвестного живописца Саввы Рогожина – не Третьяковская галерея и не Эрмитаж, – объяснил он посреднику. – Никто сюда не полезет. Статуи и керамика – бутафорские, сделаны на заказ под старину, продукты и посуду для фуршета привезут завтра утром. Что тут воровать? Повода для волнения нет, поверьте моему опыту.

Геннадий поверил.

– Завтра открытие, – сказал он. – Будут журналисты, телевидение, именитые гости. Нужно, чтобы Рогожин – желательно трезвый, побритый и прилично одетый – присутствовал и мог дать интервью, пообщаться с посетителями.

– Постараемся, – опустил глаза Чернов.

Его страх перед Геннадием поулег. То, что высокомерный посредник оказался таким же мужиком из плоти и крови, которая вскипает при виде обнаженного женского тела – пусть даже и нарисованного, – лишило его ореола неприступности и холодной жесткости, пугающей Анисима Витальевича.

– Все мы люди, – пробормотал он себе под нос, когда Геннадий уехал. – Все мы человеки. У каждого есть слабое местечко!

Шумский уже давно ждал, пока хозяин «Галереи» распрощается с Геннадием. Федору Ипполитычу был глубоко несимпатичен представитель неведомого заказчика, и он предпочитал лишний раз с ним не сталкиваться.

– Нашел Рогожина? – накинулся на него Чернов, как только они закрылись в кабинете.

Шумский виновато развел руками:

– Нет его нигде. Будто сквозь землю провалился, черт! Гуляка бесшабашный!

– Что значит «нет»? – взвился Анисим Витальевич. – Я же тебе велел без Рогожина не являться! Завтра открытие выставки! Ты понимаешь, что с нами сделает этот Геннадий? Он нас в порошок сотрет!

– А что я-то? – испугался Шумский. – Где я возьму художника, раз его нету? Мы с Ляпным весь поселок объездили, по всем забегаловкам прошлись, всех забулдыг расспросили... Савву неделю никто не видел. Говорят, он у бабенки какой-то залег.

– У какой бабенки?

– Откуда мне знать? – разозлился Федор Ипполитыч. – Рогожин об этом широкую общественность не информировал. Я тебе предлагал обратиться к специалисту, а ты тянул до последнего.

– Мы еще только детектива не нанимали! Ты в своем уме, Федя?

– Другие люди нанимают, когда надо, – возразил Шумский.

Господин Чернов сидел в полной прострации. Он не допускал мысли, что Сема с Шумским не найдут художника, и просчитался. Теперь скандала не миновать.

– Ладно, – сдался он. – У тебя есть кто-нибудь знакомый?

– Детектив, что ли? – встрепенулся Федор Ипполитыч. – Есть. Вернее, не у меня, а у нашего общего знакомого, коллекционера Филатова. Помнишь, у него квартиру ограбили, унесли две табакерки восемнадцатого века и подлинник Рокотова? ¹

– Ну, помню...

– Он тогда обратился к одному человеку, и тот ему помог. Насчет табакерок не знаю, а Рокотова он нашел.

– Звони Филатову, – решил Анисим Витальевич. – Другого выхода у нас нет.

Старый коллекционер оказался дома. Он выслушал господина Шумского, проникся сочувствием к их проблемам и продиктовал номер телефона частного сыщика.

– Он мне Рокотова вернул, – взволнованно сказал старик. – Дай ему бог здоровья!

Чернову пришлось звонить несколько раз, прежде чем детектив ответил. Анисим Витальевич долго его уговаривал и посулил щедрое вознаграждение, если он до завтрашнего утра найдет Савву Рогожина и доставит в Москву, в офис «Галереи».

– Вы себе представляете, о чем просите? – возмутился сыщик. – Сейчас сколько времени? Час дня! А этот ваш Рогожин проживает за городом, в поселке Лоза.

Чернов скрепя сердце удвоил сумму оплаты и обещал рассчитаться независимо от результата. Детектив прикинул, что поручение несложное, да и короткое – в его распоряжении полдня, вечер и ночь. Согласился.

– Уговорили, – вздохнул он. – Попробую. Но никаких гарантий не даю.

– Какие гарантии? – обрадовался Анисим Витальевич. – Нам вас отрекомендовали как человека порядочного, который сделает все, что в его силах. Найдите Рогожина! У нас завтра вернисаж, в который уйма денег вложена.

Шумский достал из холодильника водку, налил себе и Чернову. Надо было снять стресс.

¹ Рокотов Федор Степанович (1735—1808) – русский живописец.

Глава 4

Вечером того же дня Ева приготовила на ужин творожную запеканку с изюмом. Славка пришел около одиннадцати, уставший и голодный. Запеканка успела остыть и потерять вкусовые качества. Какао тоже пришлось подогреть.

– Ты просмотрел записные книжки Алисы? – скрывая недовольство, спросила Ева.

Она разливала в чашки горячее какао.

Славка кивнул. Между делом он наспех, не вдумываясь, пролистал два блокнотика пропавшей девушки. Там было мало информации – номера телефонов, адреса, пара визиток, вложенных между страничками.

– Один адресок меня заинтересовал, – сказал Смирнов, осторожно пробуя какао. – Город Серпухов, улица Чехова, 6. Возможно, именно там проживает Глеб Конарев, с которым она сбежала. Собирался сегодня туда съездить, но не получилось.

– Почему?

– Позвонил один человек, владелец фирмы «Галерея», которая занимается чем-то связанным с искусством. У них завтра открытие авторской выставки Саввы Рогожина, а художник пропал. То ли запил, то ли загулял... Одним словом – богема! Никакой ответственности. Творческая натура, подверженная импульсивным порывам! Люди с ног сбились, а этот Рогожин небось дрыхнет сутками где-нибудь на сеновале у какой-нибудь «сладкой женщины», и плевать он хотел на столичный бомонд, жаждущий лицезреть автора.

– Тебя попросили его отыскать? – догадалась Ева.

– Вроде того. Я сдуру согласился. Где, ты думаешь, я был? До вечера мотался по поселку Лоза, а толку никакого. Рогожин живет в доме, который давно пора сносить – там, кроме него, обитают еще две глухие старухи и стая котов. Художник оказался замкнутым, нелюдимым человеком, с соседями отношений не поддерживал, целыми днями либо пропадал неизвестно где, либо закрывался в мастерской и писал свои картины. Ни друзей, ни приятелей. Старухи рассказали, что даже пил Савва в одиночестве, до чертей в глазах. Потом отсыпался, и все повторялось вновь. Одна из бабулек припомнила, будто у Рогожина остался от покойной матери дом в какой-то деревне и что он иногда уезжал туда, пропадал месяцами... но где это, она не знает.

– Значит, ты его не нашел?

– Не-а, – покачал головой Всеслав. – Попытка искать, пока не стемнело. Потом плюнул и вернулся в Москву. Ночью все равно расспрашивать некого – люди спят.

– Погоди-ка! – Ева вскочила и убежала в комнату. Через минуту она вернулась с газетой в руках. – Не об этой ли выставке идет речь? – с горящими глазами спросила она. – Вот! Ну конечно – Савва Рогожин... Знаешь, как называется экспозиция? «Этрусские тайны». Я сама хочу пойти, даже специально отложила газету с объявлением! Так это тот самый Рогожин, которого ты искал?

– Похоже на то. Дай-ка мне! – Сыщик взял газету и внимательно прочитал красочно оформленное рекламное объявление. – Точно. Тебя будто притягивает к подозрительным вещам, дорогая Ева!

– Почему это? Я просто люблю искусство, – возразила она. – Особенно древнее. Выставка называется «Этрусские тайны», значит... Рогожин либо писал в этруском стиле, либо... изучал культуру Этрурии, делал зарисовки фресок, копии росписей, которые до нас дошли. И то и другое необычайно интересно!

– Вот как? – поднял брови Смирнов. – Ну-ка, просвети меня, прекрасная возлюбленная, что за художник этот Рогожин?

– Его фамилия мне раньше не попадалась, – ответила Ева. – Судя же по названию выставки, тема его работ связана с искусством этрусков. От их цивилизации остались только некрополи. Города разрушились, письменность была уничтожена, язык вытеснен латинским. Этрусский мир исчез, блеснув на прощание загадочной печальной улыбкой. Историки веками пытались понять, кем они были и откуда пришли. Увы! Многие вопросы так и остались без ответов. Этрусски верили, что их жизнь была predetermined: из каких-то священных книг они узнали – им суждено прожить «десять веков». Поэтому в их радостное, по-детски непосредственное восприятие бытия постепенно вкрадывается нота *тоскующей души*, вплетается трагическая линия безысходности. Они ощущали, переживали закат своего могущества, его невозвратность...

Ева увлеклась, ее глаза разгорелись, щеки покрылись румянцем.

– Вижу, ты добросовестно поглощаешь историческую библиотеку моей матери, – улыбнулся Всеслав. – Похвально. Теперь у меня будет собственный эксперт по древностям. К сожалению, я далек от столь глубокого постижения искусства.

– Издеваешься? Сейчас вылью остатки какао тебе за шиворот!

– Лучше в чашку.

Они рассмеялись. Напряжение, на мгновение возникшее между ними, схлынуло. Ева начинала привыкать к Славкиным шуткам, а он учился щадить ее открытую, доверчивую и увлекающуюся натуру.

– В общем, культуру этрусков пронизывает глубинная посвященность смерти, – заключила Ева. – Художник Рогожин, вероятно, необычайно мрачная личность: бледный, изысканный и с печатью трагизма на лице.

Смирнов хмыкнул.

– Я бы не сказал. Увидеть воочию сего живописца я не сподобился, но по описанию это типичный русский мужик: в косоворотке, небритый, стриженный в кружок, с пронизывающим взглядом, традиционно любящий выпить и побаловаться с женщинами. Вот так!

– Странно...

Ева задумалась, подыскивая подходящее объяснение рогожинского феномена.

– Ну... на этрусских фресках часто повторяется тема пиршества, – наконец сказала она. – Обильные возлияния в честь бога Фуфлунса, присутствие на пирах женщин – не только в качестве музыкантш и танцовщиц, но как равноправных подруг, говорит о...

– Какого бога? – хохоча, перебил ее Всеслав. – Фу... фуфла...

– Фуфлунса, – серьезно повторила Ева. – Это нечто вроде римского Бахуса и греческого Вакха-Диониса – божеств, покровительствующих виноградарству и виноделию. Между прочим, этрусски считали вино «новой кровью богов». Прекрати смеяться! Ты выведешь меня из терпения.

– Что ты, дорогая, как я могу себе позволить?! Без твоих ценных подсказок мое исследование пойдет в тупик.

Сыщик продолжал хохотать, а Ева нахмурилась.

– Глупый ты, Смирнов, – рассердилась она. – И темный. Вот ты смеешься, а Рогожина найти не смог. Пора бы знать, что творчество тесно связано с личностью автора и одно можно понять через другое. Художника нет, а творчество есть. Надо идти на выставку!

– Поздно, – сказал Всеслав, изо всех сил стараясь взять себя в руки, чтобы не смеяться. – Я должен был сегодня отыскать Рогожина и доставить его на открытие. А выставка открывается завтра! Так что идти на нее уже нет никакого смысла.

– Я хочу посмотреть работы этого художника! – решительно заявила Ева. – Отложи дела и доставь мне удовольствие.

Сыщик с готовностью придвинулся и обнял ее.

– Ты неправильно понял, – засмеялась она. – Завтра утром мы идем на выставку! И никаких возражений.

Смирнов знал, что сопротивляться бесполезно. Обстоятельства обязательно сложатся в пользу Евы. Чего хочет женщина, того хочет бог!

Господин сыщик отправился спать, а Ева осталась в гостиной. Она собиралась внимательно прочитать записи в тетрадах Алисы Данилиной.

Это были не дневники, а просто записки, которые девушка делала время от времени под влиянием либо каких-то значимых для нее событий, либо под сильным впечатлением от прочитанных книг, просмотренных фильмов, концертов или поездок. Видимо, у Алисы не имелось задушевной подруги, а мать и брат относились к ней с чрезмерно строгой требовательностью, поэтому она предпочитала доверять свои мысли бумаге, а не чужим ушам. Только наедине с тетрадью и ручкой она могла позволить себе быть полностью откровенной.

Ева вспомнила, какие книги стояли на полках у Алисы – Лев Толстой, Бунин, Куприн, Булгаков, Цветаева, Ахматова. Русская классика – нетипичное увлечение для современной девушки. Впрочем, никогда не стоит делать выводы на основе обобщений. Различные вкусы, пристрастия, способности, свои взгляды на жизнь – вот что отличает одного человека от другого.

Преодолевая некоторую неловкость, Ева просмотрела тетради. Они были исписаны понравившимися Алисе цитатами, текстами песен, отрывками стихотворений, вперемежку с ее собственными рассуждениями и душевными излияниями. Судя по всему, особой тайны девушка из них не делала, потому что тетради не были запрятаны, а лежали в прикроватной тумбочке.

Записи были неопределенного характера, ни на кого конкретно не указывали и велись хоть и от первого лица, но слегка отстраненно. Как будто одна Алиса наблюдала за другой Алисой.

...В детстве я любила проводить лето у бабушки в Песчанке. То были незабываемые дни: с самого утра я уходила к пруду, где под старыми дуплистыми ивами укрывалась от любопытных глаз и предавалась мечтаньям. Непременным героем моих грез был сказочный богатырь или королевич заколдованной страны, который чудесным образом появлялся передо мной в самый неожиданный момент и спасал от грозящей мне опасности. А потом, как и следует в сказочном сюжете, влюблялся в меня... На этом мысли мои обрывались, и я никак не могла найти им продолжения. Свадьба и последующая семейная жизнь в окружении малюток-детей – какая скука! Мне хотелось любви, приключений, опасностей и еще бог знает чего.

Истинная страсть питается разнообразием и остротой ощущений. Но где же их взять? Как отличить обыкновенное либидо от душевного порыва? Где признаки, по которым мужчина и женщина выбирают друг друга из сотен, тысяч таких же мужчин и женщин?

Эти раздумья под сенью раскидистых ив я бы не променяла на самые веселые игры, на шумную и суетливую возню моих сверстников. Мое воображение – вот Страна чудес, где я могу беспрепятственно путешествовать, встречаться с теми, кто мне дорог и кому я готова отдать свое сердце.

Дети, с которыми я изредка играла, казались мне смешными и глупыми. Они любили пустые разговоры, конфеты, кукол и мороженое и уже через час успевали мнелетельно надоест. Я убежала, пряталась от них, а они обижались и ябедничали своим родителям.

Я молилась о том, чтобы поскорее вырасти. Взрослая жизнь, казалось, должна была принести мне нечто необыкновенное...

Ева отложила тетрадь и посмотрела на часы. Два часа ночи... Она зачиталась и забыла о времени. Из спальни раздавался тихий храп Славки, который видел уже десятый сон.

* * *

Семен Ляпин, охранник «Галереи», терпеть не мог оставаться на ночь в выставочных залах. К счастью, делать это ему приходилось крайне редко. А то бы он давно уволился. Товарищ, который работал в охране казино, звал его к себе – там платили больше, но и работа была опасная: случались разборки между «крутыми», стрельба, облавы. Так что Сема предпочитал тихую «Галерею».

Чернов и Шумский трудиться до седьмого пота его не заставляли. Водить машину Ляпин любил, переносить тяжести тоже – мышцы качаются и думать не надо. Единственное, что ему не нравилось, – проводить ночи в гулких, огромных залах, полных странных шорохов и подозрительных скрипов. Сема даже не знал, отчего ему становилось не по себе. Сон не шел, к горлу подступал удушливый комок, а все его большое грузное тело покрывалось испариной. Но признаваться в своей слабости не хотелось.

Хорошо, что современная живопись не представляла для грабителей такого интереса, как антикварные коллекции и полотна старых мастеров. Если ее и надо было охранять, то исключительно от хулиганов. А для этого достаточно сигнализации. Поэтому Ляпин очень удивился, когда Анисим Витальевич велел ему в ночь перед открытием выставки Рогожина остаться в зале. Кому нужны гипсовые статуи, бутфорские горшки и вся эта непонятная мазня то ли из древнегреческой, то ли из древнеримской жизни? «Этрусские тайны»! Столь претенциозное название смешило Ляпина, как, собственно, смешил его и «великий художник» Савва, который упился до такой степени, что загулял и забыл о своей собственной авторской выставке. Вообще люди искусства казались Семе блаженными, не от мира сего. Он их побаивался и тайно презирал. Побоялся, потому что они могли выкинуть любой фокус, а презирал – за распушенность, расхлябанность и бестолковый образ жизни. Взять хоть Рогожина – напяливает на себя старомодные крестьянские рубахи и штаны, стрижется, как бурсак, щетину отращивает и вообще... намалевал всякой всячины, а Сема теперь вынужден стеречь эту дребедень. Как будто она кому-то может понадобиться!

Вне себя от возмущения, Семен Ляпин приступил к ночному дежурству.

Последние приготовления перед завтрашним открытием стихли около восьми часов вечера, две уборщицы навели блеск, попрощались, и к девяти часам Сема остался в помещении один.

В фойе выставочного зала стояло множество кожаных диванов и кресел, так что если захочется спать – никаких проблем: ложись и спи. У стены один на другом громоздились ящики с выпивкой для фуршета. Завтра утром привезут продукты, живые цветы, и к десяти часам массивные двери с тяжелыми витыми ручками торжественно распахнутся для первых посетителей. К тому времени Ляпина здесь уже не будет. В восемь часов утра он передаст полномочия самому господину Чернову и отправится домой, а следить за порядком придут несколько наемных охранников из «Центурии».

– Неужели нельзя было их и на ночь пригласить, если уж эти рогожинские шедевры представляют собой такую ценность? – недовольно бормотал Сема, устраивая свое большое неуклюжее тело на узком диване. – Черт бы побрал эту кожаную мебель!

Пистолет в кобуре давил, мешал удобно улечься. Ляпин, ругаясь, снял его, положил рядом. Не помогло.

Он встал и попытался придвинуть к дивану кресло – все равно было неудобно. К тому же Ляпину не нравился воздух нежилых помещений: тревожный, с неистребимой примесью пыли и каких-то химикатов. Он долго лежал, ворочался. Проклятие, так ему ни за что не уснуть! Хоть бы книжку какую-нибудь найти, почитать. Но, кроме пахнувших типографской краской ярких буклетов, стопками сложенных на столе, ничего подходящего для чтения не было.

Он, кряхтя, поднялся и подошел к окну. На улице стемнело, густой мрак поглощал слабый рассеянный свет фонаря на углу. Начал моросить дождь. Сему охватило неясное беспокойство. Чтобы прогнать его, он решил прогуляться по залу, посмотреть картины Рогожина. До сих пор, в беготне и заботах, ему было недосуг.

Выключатель громко щелкнул в настороженной тишине пространства, которое умножило звук гулким эхом. Зажглись несколько светильников из всей сложной системы подсветки, устроенной для создания особых эффектов. Ляпину было этого достаточно. Он не собирался включать всю иллюминацию.

Невольно стараясь ступать тихо, охранник двинулся вдоль стены, рассматривая картоны с эскизами так называемых «Фресок из Тарквинии». Полумрак скрадывал детали, и фигуры людей казались бесплотными призраками, явившимися сюда из давно ушедшего мира. Пирующие будто обрадовались гостю, они протягивали ему чаши, наполненные вином, улыбались и едва заметно покачивали головами – присоединяйся, мол, к нам... мы тысячелетиями развлекаемся здесь одни, наслаждаемся вкусной едой, музыкой и танцами. Посмотри, как прекрасны наши женщины! Иди сюда... Наши жрецы предскажут тебе будущее – по печени жертвенных животных или по рисунку молнии, прочертившей небо. Ты не боишься своего будущего, далекий и непонятный нам человек? Мы уже на пути к вечности, а ты все еще барахтаешься в суете и пустых хлопотах, не зная, что ожидает тебя...

Ляпин поежился, словно могильный холод начал проникать ему под рубашку. Какой-то странный звук возник за его спиной – то ли скрип, то ли шорох, то ли крадущиеся шаги. Он замер и прислушался. Сумрачная тишина таила в себе неясную угрозу... Возникло ощущение чьего-то присутствия, как будто он был здесь не один. Жаром обдало от мысли, что пистолет остался на диване, там, где он положил его. Идиот! Оружие должно постоянно находиться при нем! Теперь...

Новый звук приковал его к месту. Охранник хотел оглянуться и не мог: мышцы словно налились свинцом, окаменели.

«Мальчики ничего не боятся! – вспомнил он слова отца. – Они должны быть храбрыми и никогда не плакать! Мальчик не может быть трусом!»

Делая над собой невероятное усилие, Сема крикнул:

– Эй, кто здесь?

Услужливое эхо подхватило его слабый крик, рассыпало на сотни отзвуков. И снова наступила зловещая тишина.

Он заставил себя оглянуться. Никого... Чуть покачивается бронзовый сосуд на цепях.

«Я сам задел его, когда шел по залу, – подумал Ляпин. – У страха глаза велики. Я не должен поддаваться страху».

Он с детства был трусоват и отчасти поэтому выбрал профессию охранника. Надеялся справиться с позорным для мужчины недостатком.

– Кто здесь? – уже смелее крикнул он, убеждаясь, что страх обманул его.

Если бы кто-то проник в здание... И тут Семен осознал, что пульт сигнализации остался в фойе. Волна дурноты окатила его и медленно схлынула. Ну и что же? Дверь крепкая, надежная, такую открыть непросто. На окнах решетки. Да и кто сюда ползет? Зачем?

«А никто и не собирается лезть, – зашептал внутри страх. – Мертвые... это они! Им не нужно открывать двери и окна. Они здесь... смотрят на тебя, зовут с собой... Скука давно поселилась в их гробницах из камня. Пистолет тебе не поможет, Семен. Мертвых нельзя убить! Они уже по *ту* сторону... недостижимые, загадочные. Они знают то, чего тебе знать не положено. Для них не существует преград. И пульт с сигнальными кнопками тебе не поможет, Семен. Атрибуты этого мира бессильны против усопших. У них *иная* сила!»

– Ерунда, – потрянул головой Ляпин, отгоняя наваждение. – Здесь нет никаких мертвецов – одни рисунки, картины. Живопись не оживает!

Он немного успокоился, двинулся дальше. Сцены пиров сменились сценами охоты, рыбной ловли, спортивных состязаний, изображениями животных. Но на всем этом великолепии жизни лежала печать предчувствия неминуемого ухода. Радостные лица померкли, они становились все печальнее и отрешеннее... танцующих девушек и веселых флейтистов сменили грифоны, клыкастые демоны, рогатые сатиры, глумливые карлики и жуткие уродцы. Трупная окраска тел придавала их образам оттенок злобной чудовищности, заглушающей смятенную человеческую грусть... И снова пиры – только уже похожие на погребальные тризны, снова надрывная радость, исступленные пляски... мучительная попытка забыться, отодвинуть прочь ужас надвигающейся смерти...

Семен Ляпин ощутил головокружение и дурноту, не в силах оторвать взгляд от странно улыбающихся лиц, складок хитонов и накидок, приплясывающих танцовщиц, зеленых веток лавра. Он не заметил, как подошел к «Нимфе» и... застыл. Волшебное, чудное видение среди скрытых воплей отчаяния, безысходности и скорби ослепило его, поразило силой света, жизни и любовного влечения. Глаза девушки были живые и прозрачные от блеска, падающего сбоку от утопленного в стене светильника; губы приоткрылись, нежная грудь замерла на судорожном вздохе... Грозный преследователь почти настиг ее, протягивая смуглую бугристую руку... Ветер развеивал золотистые волосы нимфы, гнул вокруг нее высокие травы, густые лавровые кусты... Шелест ее быстрого, легкого бега заглушал треск несущегося напролом, яростно взрыхляющего землю и крушащего дерева, распаленного страстью бога Аполлона...

Семену показалось, что этот треск проник в его мозг, заполнил собой, ослепительно вспыхнул и – погасил сознание. Тело его обмякло и опустилось на каменный пол, не чувствуя холода... В последнем проблеске света мелькнуло что-то темное, и все погрузилось в непроницаемый, глухой мрак.

Глава 5

– Когда Алиса вернется? – спросила за завтраком Александра Фадеевна Данилина. – И зачем ты только купил ей эту путевку?

– Должна же она отдохнуть, – отводя глаза, сказал Алексей Степанович. – Скоро сентябрь, опять начнется учеба. Пусть подышит свежим воздухом, погуляет по лесу.

Господин Данилин до сих пор не признался матери, что Алиса сбежала со своим охладом Глебом. У него просто язык не поворачивался. Александра Фадеевна смолоду страдала болезнью печени, а после смерти мужа ее состояние резко ухудшилось. Такое известие могло просто убить ее. Однако до каких же пор ему придется скрывать этот факт? Пока что он придумал отговорку, будто купил Алисе путевку в подмосковный санаторий.

– Но почему же вы мне ничего не сказали? – негодовала Александра Фадеевна. – Почему скрыли? Алиса собралась, уехала молчком, даже не простилась со мной!

Она плакала, а Данилин капал в рюмку лекарство. Что он мог сказать? Вранье и есть вранье, с ним рано или поздно попадешь в неприятности.

– Ты спала, – неуклюже оправдывался он. – Мы не хотели тебя будить. Мама, ради бога, успокойся! Алиса уже давно не ребенок, она вполне способна пожить самостоятельно пару недель, без нашей опеки.

– Самостоятельно... – всхлипывала Александра Фадеевна. – Она даже собраться толком не сумела! Я смотрела в шкафу – она же ничего с собой не взяла, даже курточки и зонтика. Скоро пойдут дожди! У нее бронхи слабые...

– Я возьму все, что нужно, и отвезу ей. Она не на край света уехала, мама.

Алексей Степанович ругал себя за непредусмотрительность. Надо было собрать часть вещей сестры, отнести в гараж. Как он сразу не додумался?

– Отвези сегодня же, – немного успокаиваясь, сказала Александра Фадеевна. – А то она простудится. Знаешь, Лешенька, мне такой сон ужасный нынче приснился... спаси, господи! Как будто кто-то в дверь стучит, настойчиво так, зло. Я открываю – Степан покойный стоит и грозит мне пальцем. «Не уберегли Алиску! – говорит. – Проглядели!» Я вся обмерла, да и проснулась от страху-то. Нехороший сон...

– Отцу самому надо было быть построже, – сердито сказал Данилин. – Он ее баловал, лелеял, вот и распустил девку. Поди теперь управься с ней! Ладно, мам... мне на работу пора.

Данилин поцеловал ее в мокрую от слез щеку и поспешно выскочил из квартиры. Надо будет позвонить Всеславу, узнать, как идут дела. Долго обманывать мать не удастся.

Добравшись до института, Алексей Степанович сразу же закрылся в кабинете и набрал номер Смирнова.

– Никаких новостей? – спросил он дрожащим от волнения и быстрой ходьбы голосом.

– Пока обрадовать тебя нечем, Леха. Адресок тут интересный нашелся в записной книжке. Если повезет, найдем Глеба.

– Ты уж поторопись, Славка, я отблагодарю... Сил нет смотреть, как мать убивается!

– Я понял, – сочувственно ответил Смирнов. – Постараюсь.

Слова сыщика не принесли облегчения. Сидя в своем просторном прохладном кабинете, Данилин чувствовал себя как в тисках. Впервые давало знать о себе сердце.

– Так, хватит! – оборвал сам себя Данилин. – Если еще и я раскисну, тогда...

Что произойдет тогда, Алексей Степанович додумать не успел. В кабинет ворвался бухгалтер с кучей бумаг.

– Смету проверить надо, – выпалил он, усаживаясь за стол. – Срочно. Неувязка какая-то вышла. Генеральный рвет и мечет!

Первая половина дня прошла в бешеном темпе – цифры, расчеты, согласования, звонки, снова цифры, и только к обеду наступило временное затишье. Вместе с ним вернулись мысли о сестре.

Данилин обедал в институтской столовой, за столиком у окна. Обычно ему нравилась здешняя еда, особенно заливная рыба и блюда с грибами, но сегодня он жевал, не ощущая вкуса. Из головы не шла Алиса. Как она могла?

Алексей Степанович вынужден был признаться себе, что совсем не знает сестры. Из-за приличной разницы в возрасте настоящей близости между ними так и не возникло. По отношению к ней он выполнял роль скорее родителя, чем брата – поучал, наставлял, ругал и запрещал. Алиса казалась ему маленькой девочкой, несмышленной и беспомощной, беспрестанно нуждающейся в заботе. Она была совершенно не приспособлена к жизни в большом городе. Ее наивность граничила с глупостью; она жила в каких-то возвышенных мечтах, которые сама же и придумывала, отстаивая их с безумным, безрассудным упрямством.

– Сказки закончились, – частенько говорил ей Алексей. – Начинается взрослая жизнь. Пора смотреть на вещи открытыми глазами.

– Хватит меня учить, – огрызалась сестра. – Если ты – великий провидец, то почему берешь в жены таких стервозных баб? Твой первый развод свел отца в могилу. О втором я уже не говорю! Счастье, что твоя благоверная не выгнала нас из дому.

Обвинения были жестоки, но обоснованны. Данилин замолкал, уходил в себя. Он действительно не понимал, как получилось, что обе его бывшие супруги оказались одна хуже другой. Ведь он очень ответственно, вдумчиво и осторожно относился к женитьбе. Женщин выбирал долго, придирчиво и непременно порядочных, образованных, из благополучной семьи. Первая жена, Вероника, была учительницей. Она любила порядок, диетическую пищу и обладала высокими моральными качествами. На второй год брака Данилин взвыл. Он шагу не мог ступить без ее одергиваний, замечаний и мелочных укоров. Каждая соринка немедленно выметалась, каждая пылинка тщательно вытиралась; нельзя было куда попало сесть или встать. Смятая постель или сдвинутый с места стул вызывали справедливое негодование Вероники, которая не покладая рук поддерживала чистоту и уют в доме. Манная каша по утрам сводила Данилина с ума, а ужины из приготовленных на паре овощей приводили в настоящее бешенство. Хорошо, что хоть обедал он на работе, а то бы превратился в дистрофика.

– Ты погубишь желудок и кишечник, – глубокомысленно заявляла Вероника, когда он разогревал купленные в кулинарии котлеты или шницели. – От мяса у мужчин развивается импотенция.

– Импотенция развивается от таких жен, как ты! – однажды не сдержался он.

Вероника выбивалась из сил, стараясь приобщить его к здоровому образу жизни. Она таскала супруга в лыжные походы зимой и едва не утопила его в проруби, заставляя закалять организм. Сама она всегда выглядела подтянутой, спортивной и неестественно бодрой. Алексея Степановича постепенно начинало тошнить уже от одного ее вида.

При разводе она заунывно доказывала свое право на каждую вилку, на каждую катушку ниток. А чего стоили лекции, которые она регулярно читала свекру и свекрови по поводу воспитанного ими никчемного, непутевого сына! Она всех замучила, прежде чем ее удалось выставить из квартиры. И тогда начались бесконечные позорные суды по разделу жилплощади, которые довели отца Данилина до инфаркта.

Данилин дал себе слово, что во второй раз он такого безобразия не допустит и жену выберет добрую, покладистую, которая не придает слишком большого значения здоровью. Так оно и вышло. Катя оказалась полной противоположностью Вероники, что поначалу окрылило Алексея Степановича. Ей было наплевать на количество калорий в пище, и каждая пылинка не приводила ее в ужас. Зато вторая супруга неустанно заботилась о повышении благосостояния семьи.

– Деньгами буду распоряжаться я, – решительно заявила она Данилину, переступив порог его квартиры. – Какого числа ты получаешь зарплату?

И пошло-поехало! Примерно раз в месяц Катерина рассказывала мужу историю какой-нибудь своей подруги, которая вышла замуж за бизнесмена и не знала нужды в деньгах. При этом намекая, что неплохо бы и Алексею Степановичу заняться тем же.

– Я инженер, Катенька, – пытался объяснять он. – И ученый. А не торговец. Я не умею *делаться* деньги, я могу их только зарабатывать. По-моему, ты знала, на что можешь рассчитывать.

Катерина тоже была инженером, но оставила работу, как только вышла замуж.

– Женщина должна быть домохозяйкой, – заявила она. – И заниматься семьей. Материальное обеспечение – дело мужчин.

Новая супруга вела строгий учет каждого рубля, выдавая Данилину на карманные расходы такие гроши, что он стеснялся зайти с товарищами в кафе или бар, выпить пива, а на подарки близким – маме и Алисе – вынужден был откладывать загодя, копейку к копейке, чтобы бдительная Катерина не заметила.

– Ни к чему столько тратить на ерунду, – говорила она. – Ты не так много зарабатываешь, чтобы разбрасываться деньгами направо и налево. И вообще, не пора ли тебе подумать о научной карьере, раз ты не способен заниматься предпринимательством. Мы не можем во всем себе отказывать.

Отчасти уступив ее понуканиям, отчасти – чтобы поменьше бывать дома, Алексей Степанович действительно погрузился в научные исследования. Он ушел в них с головой от внутреннего краха, в котором боялся себе признаться. Наука оставалась его единственным интересом в жизни, если не считать матери и сестры.

Катерина была прекрасной хозяйкой – квартира блестела чистотой, холодильник ломился от вкусных кушаний, одежда Данилина выглядела идеально, выстиранное и выглаженное белье стопками лежало в шкафу... но ее отношение к деньгам напоминало одержимость маньяка. В каждом взгляде жены, в каждом ее многозначительном вздохе чувствовался справедливый немой укор: что ж ты, мол, неумеха, держишь семью на грани нищеты?

До нищеты, разумеется, им было далеко. Зарплата Данилина позволяла хорошо питаться, покупать добротную одежду и кое-какие вещи. Мебель в квартире была не итальянская, но вполне современная, удобная и красивая; кухня оборудована бытовой техникой; в ванной стояла хорошая стиральная машина. А когда Алексей Степанович получил научную степень и премию за открытие в области лазерных технологий, Данилины купили машину. Но Катерине все чего-то не хватало. Она хотела отдельную квартиру с евроремонтом, шубку из чернобурки, украшения с бриллиантами, как у ее подруг, отдых на Французской Ривьере, дачный коттедж...

Хронически неудовлетворенные запросы превратили ее в истеричную, вздорную бабу, вечно всем недовольную, вечно находящуюся на грани нервного срыва.

– Посмотри, до чего ты меня довел! – рыдала она, с ненавистью глядя на Данилина. – Ты неудачник! С твоими мозгами давно можно было написать кучу книг, преподавать где-нибудь в университете Нью-Йорка или в Кембридже. А ты сидишь в Москве, в Медведкове, и ни к чему не стремишься! Ты обманул меня... сломал мне жизнь. О, как я тебя презираю!

На четвертый год брака терпение Алексея Степановича лопнуло. Второй развод превзошел первый по всем параметрам. Катерина ободрала мужа как липку. Он не желал ни во что вникать, ничего делить и мечтал только об одном – побыстрее избавиться от скандальной супруги. Ему пришлось заплатить за это.

Пока Данилин доигрывал последний акт семейной драмы, мать его слегла, а сестра отбилась от рук. Непрерывные ссоры и выяснения отношений между братом и Катериной гнали ее из дому. Да и потом Алексею Степановичу было не до Алисы. Он медленно выходил из депрессии после развода, с трудом возвращался к нормальной жизни. Он не мог, не хотел ничего

больше слышать ни о какой любви, ни о каких личных взаимоотношениях и решил посвятить себя науке.

Алиса все еще казалась ему ребенком. И вдруг она привела в дом этого верзилу Глеба! Данилин пришел в ужас. Он потратил немало душевных сил, чтобы убедить сестру получить финансовое образование, которое даст ей уверенность в завтрашнем дне, стабильный заработок, и тут... появляется призрак новой драмы: Алиса и Глеб. Они оба слишком молоды, легкомысленны и материально необеспеченны. Алексей Степанович готов был содержать сестру, но вовсе не готов выдать ее замуж за такого же студента, как и она сама. Что они будут делать? Где и на что жить?

Правда, Алиса о замужестве пока не думала, но у Данилина, умудренного опытом, возникли серьезные подозрения, что эта мысль может посетить ее очаровательную головку в любой момент. Он еще помнил шок, когда она заявила, что не собирается после школы продолжать учебу, а будет работать манекенщицей в модельном агентстве. Чего Данилину стоило убедить ее отказаться от этой безумной идеи! Он нанял сестре репетиторов, устроил ее в институт и вздохнул с облегчением.

Ему и в страшном сне не могло присниться, что она сбежит из дома. И с кем? С недоумком Глебом! Алексей Степанович несколько раз поговорил с ним и пришел в ужас. Такие идеи до добра не доведут.

– Я не оправдываю Глеба, но чем твои взгляды на жизнь лучше? – возмутилась Алиса, когда он высказал ей свое мнение. – Разве они сделали тебя счастливым?

Данилину было нечего возразить.

– О чем вы задумались, Алексей Степанович? – спросила молоденькая практикантка, усаживаясь за его столик. – Вы ничего не едите! Все остынет...

Он едва сдержал готовую вырваться грубость. Какое ей дело? В последнее время людское любопытство начало его раздражать.

* * *

– Мы едем на выставку, – не терпящим возражений тоном сказала Ева, выходя из ванной. – Надеюсь, ты не забыл?

Смирнов понимал, что от посещения «Этрусских тайн» ему не отвертеться, и прикидывал, как бы совместить культурную программу с поисками Алисы Данилиной.

– Мне только что звонил Леша, – издали начал он. – Спрашивал, нет ли новостей о сестре. Ты прочитала ее тетради?

– Пару листков.

– Какое у тебя сложилось мнение?

– Интересная девочка, – задумчиво сказала Ева. – По нескольким страничкам судить рано... однако даже по ним виден сложный, напряженный внутренний мир.

– Ты говоришь, как литературный критик, – усмехнулся Всеслав.

– А ты норовишь улизнуть от поездки на выставку Рогожина! – рассердилась Ева.

– Вовсе нет, дорогая. Я как раз проснулся с горячим желанием насладиться шедеврами этого выдающегося мастера кисти.

Ни одна жилка не дрогнула на лице Славки при этих словах. Ева подозрительно посмотрела на него и пошла на кухню готовить завтрак.

– Будем пить чай с бутербродами! – крикнула она оттуда.

Телефонный звонок заглушил ответный возглас господина Смирнова.

– Всеслав! – завопил неизвестный, едва сыщик взял трубку. – Немедленно приезжайте! Немедленно! У нас... О боже!

– Кто говорит?

– Чернов... Двадцати минут вам хватит, чтобы добраться?

– Куда? – не мог сообразить Смирнов. – Что случилось?

– На выставку «Этрусские тайны»! – продолжал вопить Анисим Витальевич. – Нас ограбили! Ограбили! Господи... что я скажу спонсору?! Придется отменять открытие! Какой скандал...

– У нас был договор, касающийся Рогожина, – недовольно перебил его Всеслав. – Я провел необходимые розыскные мероприятия, но безрезультатно. Художник исчез, и за сутки его не найти.

– При чем тут Рогожин? Речь не о нем. Украдены картины! В выставочном зале полнейший разгром... Ради бога! Мы теряем время!

– Звоните в милицию, – невозмутимо посоветовал сыщик. – Они занимаются кражами.

– Я вас умоляю! Какая милиция?! – взвизгнул Чернов. – Вы что, смеетесь надо мной? Через два часа открытие выставки! Вы понимаете? Приглашены известные люди, пресса, телевидение...

– Ничем помочь не могу. За два часа сам Эркюль Пуаро не нашел бы для вас украденные картины.

Анисим Витальевич перешел с крика на слезную мольбу:

– Господин Смирнов, я заплачу вам любые деньги за ваши услуги... Мне рекомендовали вас как блестящего профессионала. Никто не ждет, что вы вернете картины в считанные часы. Просто найдите их! Я не собираюсь заявлять в милицию. Я не собираюсь отменять открытие, это уже невозможно. С меня потребуют такую компенсацию, что я буду разорен! Господи, как же мне объяснить вам... Приезжайте, ради всех святых! Здесь, на месте, я все вам расскажу и покажу. А потом мы уберем следы нападения и откроем выставку для посетителей. Другого выхода у меня нет.

Смирнов поднял глаза и увидел расстроенное лицо Евы. Это решило дело.

– Хорошо, – сказал он. – Ждите. Через полчаса я буду.

– Вы возвращаете меня к жизни... – облегченно выдохнул Чернов.

Ева вопросительно смотрела на сыщика.

– Мы не будем завтракать, – сказал он, кладя трубку. – Собирайся побыстрее. Рогожинские шедевры похищены неизвестными злоумышленниками. Так что сначала поедем на выставку, а потом перекусим где-нибудь.

– Я знала, знала! – захлопала в ладоши Ева. – «Этрусские тайны»! Такое название несет в себе нечто необыкновенное. А что украли?

– Там увидим. Если бы не ты... этот Чернов ни за какие деньги не уговорил бы меня ввязаться в поиск картин.

– Ты ворчишь, Смирнов, – довольно хихикнула она, поспешно натягивая платье. – Значит, стареешь!

– Ладно, выходи, – Всеслав открыл дверь и ждал Еву на лестничной площадке. – У нас двадцать минут на дорогу.

В такси они молчали, размышляя каждый о своем: Ева предвкушала интересное приключение, а Смирнов злился. Теперь ему придется заниматься тоскливыми расспросами, бестолковой ездой по городу и прочей чепухой. Вот черт! Кому могли понадобиться рогожинские полотна? Тоже мне, Сальвадор Дали!

– Не хмурься, тебе не идет, – шепнула Ева, прижимаясь к его плечу.

У входа в выставочный зал сыщика ожидал господин Шумский.

– Катастрофа! – закатывал он глаза и хватался за голову. – Кошмар! Кто бы мог подумать?! Идемте... Анисим Витальевич в ужасе. Одна надежда на вас!

Экспозиция представляла собой жалкое зрелище – все перевернуто, картины и эскизы валяются на полу, среди осколков стекла и керамических горшков.

– Какая жалость! – всплеснула руками Ева. – Варвары... Так все разгромить!

Она сразу увлеклась оставшимися на стенах работами, обо всем забыла, любуясь чудесными жанровыми сценками из жизни далеких этрусков.

– Что пропало? – сразу приступил к делу Всеслав.

Он понимал, что времени в обрез. Максимум через полтора часа здесь будут журналисты и толпа посетителей.

Чернов, бледный, но решительно настроенный не допустить срыва вернисажа, принялся объяснять:

– Вы все осмотрите, а потом я запущу сюда уборщиц и дизайнеров. Нужно восстановить прежний вид, насколько это будет возможно. Гипс и керамику, стилизованную под *буккеро*, я уже заказал... скоро привезут.

Он сокрушенно вздохнул.

– Что пропало? – стараясь не наступать на осколки и черепки, повторил вопрос Смирнов.

– Пара этюдов и «Нимфа». Я предчувствовал!

– Нимфа? – обернулся к нему сыщик.

– Это картина... Чудная вещь! Вспышка молнии, шедевр! Она одна стояла того, чтобы прийти на выставку. Вот... здесь она висела, – Анисим Витальевич показал на пустое место на стене. – А теперь ее нет!

Сыщик подошел поближе.

– Когда вы обнаружили пропажу? – спросил он.

– Сегодня, рано утром. Я пришел, увидел, что дверь не заперта, и... сердце сразу екнуло. Ночью в зале дежурил наш охранник, Семен Ляпин... я нашел его на полу без сознания.

– Где?

– Примерно здесь, где мы стоим. Его сильно ударили по голове... наверное, сотрясение мозга. Хотите с ним поговорить?

– Потом.

Смирнов осторожно ходил по залу, что-то рассматривал, наклонялся, качал головой.

– Сигнализация была включена? – уточнил он.

– Да, конечно. Но она почему-то не сработала.

– На входной двери нет следов взлома, вы обратили внимание?

Господин Чернов кивнул.

– Может быть, охранник сам отключил сигнализацию и открыл дверь грабителям?

– Зачем ему это понадобилось? – засомневался Анисим Витальевич.

– Мало ли... всякое бывает.

Хозяин «Галереи» задумался.

– Картину Рогожина продать за приличную цену не так-то просто, – после некоторого молчания сказал он. – Зачем было ее красть? Художник неизвестный... да и «Нимфу» до самого последнего дня никто не видел. Я держал ее отдельно и повесил только вчера. Мне помогал Федя. Скорее всего, Ляпин даже не знал о ней.

– Федя – это Шумский? А он не мог...

– Не мог! – вдруг рассвирепел Чернов. – Вам не кажется, что грабить самих себя глупо? Мы собирались продать картину и заработать на ней. А Ляпин вообще не разбирается в живописи, он Шишкина от Глазунова не отличит! Вы понимаете?

– Кто знал о «Нимфе»? – невозмутимо продолжал расспрашивать Всеслав.

– Я, Федор и... Геннадий. Да! Я ему вчера показал картину. Это представитель спонсора. Ему тем более кража ни к чему.

– Что еще пропало?

Чернов развел руками.

– Много всего побили... а так – ничего не взяли, кроме «Нимфы», нескольких этюдов и набросков. Боже мой! – Он сжал пальцами виски. – Голова раскалывается...

– Охранник здесь? Я хочу поговорить с ним, – сказал сыщик.

– Он в фойе, лежит на диване. Еле в себя пришел. Надо бы отвезти его в больницу, но это потом...

Глава 6

Ева пришла в восторг от увиденного на разгромленной выставке.

– Рогожин – гений! – восклицала она по дороге домой. – Не удивляюсь, что самую лучшую картину похитили. Наверное, охотились именно за ней, а этюды прихватили для отвода глаз.

– И беспорядок устроили по той же причине, – кивнул Смирнов. – Злоумышленник хотел создать видимость хулиганской выходки. А «Нимфу» вроде бы случайно забрали – понравилась, мол. Но на самом деле взлома не было, и сигнализацию кто-то умело вывел из строя. Я проверил. Значит, к ограблению готовились.

– Кстати, ты будешь продолжать поиски Рогожина?

– Придется, – вздохнул Смирнов. – У нас с Анисимом Витальевичем теперь новая договоренность. Я буду искать и художника, и его работы. Хозяин «Галереи» хочет скрыть от своего клиента истинный факт кражи и открыть выставку как ни в чем не бывало.

– Но ведь «Нимфа» пропала!

– Чернов и Шумский собираются использовать это обстоятельство как рекламный трюк. За «Этрусскими тайнами» стоят большие деньги.

– И кто сей любитель древностей?

– Меценат пожелал остаться неизвестным.

– Странно... – пробормотала Ева.

– Почему? – удивился сыщик. – Чудаков хватает. Деньги девать некуда, вот у них «крышу» и срывает. Не привык наш человек к изобилию и роскоши. Да и капиталы в нынешней России наживаются не поколениями, из столетия в столетие, а одним махом, в результате пары головокружительных афер. Шальные доходы так же ошалело и растрачиваются. Нечего жалеть, не о чем печалиться! Завтрашний день принесет новые реалии, и кто знает, какими они будут? С другой стороны – анонимное меценатство выглядит благородно.

Ева молча смотрела, как проносятся за окном такси каменные громады домов. Улицы Москвы напоминали ей вены, по которым течет движение – энергия-кровь, питающая огромный ненасытный город.

– Значит, господин Чернов объявит своему клиенту, будто кража инсценирована с рекламной целью? Дескать, скандал привлечет интерес публики? – спросила она.

– Ну, вроде того.

– А украденные работы?

– Закажет копии, – ответил Смирнов. – Он знает художников, которые этим зарабатывают и умеют держать язык за зубами. Все работы, представленные на выставке, были сфотографированы и внесены в каталог. Кроме «Нимфы». Эту картину Чернов берег в качестве сюрприза. Он хотел сделать из нее сенсацию.

– И ему это вполне удалось! – усмехнулась Ева. – Может, он сам и организовал кражу? Воспользоваться ключами от входной двери или их дубликатами для него – пара пустяков. Как устроена сигнализация, он знал, и про охранника тоже.

– Не думаю... Видишь ли, дорогая, на счет «Галереи» неизвестным спонсором была перечислена солидная сумма денег; кроме того, Анисим Витальевич получил еще личное вознаграждение – вернее аванс. И должен после закрытия выставки получить столько же. Зачем ему рисковать? Причем риск двойной – потеря не только репутации, но и финансов. Ради чего? Ну, продаст он картину на несколько тысяч «зеленых» дороже... а лишится гораздо большего. Не вяжется.

Ева промолчала. Славка был прав. Однако вся эта история с ограблением выставки казалась ей какой-то... нарочитой, неестественной.

– Кстати, Рогожин не хочет продавать «Нимфу», – сказал сыщик. – И могли возникнуть сложности.

– Поэтому Чернов поручил тебе разыскать его?

– И поэтому тоже. Художник должен был присутствовать на торжественном открытии, на фуршете, общаться с прессой. А он пропал, и с концами. Творческие люди, конечно, ведут себя экстравагантно и порой необъяснимо. Но не до такой же степени? Выходит, Рогожина не интересуют ни деньги, ни известность?

– На что он живет? – спросила Ева. – На какие средства?

– Как мне удалось выяснить, он берет заказы на росписи деревенских храмов. Иногда продает кое-что из своих работ. Очень редко. Согласись, у него весьма своеобразная тематика и манера письма.

– Еще бы. Покупатель его картин должен быть интеллектуалом, знатоком и любителем ранней архаической культуры народов Апеннинского полуострова. Это значительно сужает круг потенциальных клиентов.

– Вот именно! Савве Рогожину полагается плясать от радости, что нашелся меценат, желающий его поддерживать. А что мы видим? Судя по поведению, полное равнодушие и пренебрежение.

Ева согласилась, что художник ведет себя, мягко говоря, вызывающе.

– Ты надеешься найти его?

– Не провалился же он сквозь землю, – сказал Всеслав. – Чернов хотел, чтобы я отыскал живописца в течение суток. Это не получилось. Но если меня не торопить, я найду Рогожина. Человек – не иголка.

– А как ты будешь искать картину, которой не видел? – спросила она.

– Анисим Витальевич обещал дать мне фотографии. Он сделал их вчера, тайно, перед тем как повесить «Нимфу» в выставочном зале. С этих же снимков он закажет копию.

– Я тоже хочу посмотреть! – загорелась Ева.

Всеслав засмеялся:

– Разумеется, дорогая. Тебе покажем в первую очередь.

– Ты говорил с охранником, – вдруг вспомнила она. – Что он рассказал?

– Почти ничего. Парень немногословный, туповатый, да еще по голове получил. Видать, сотрясение мозга, потому что он надолго потерял сознание. Говорит, решил пройтись по залу, проверить, все ли в порядке. Пульт сигнализации находится в фойе, и свой пистолет он тоже там оставил. Ходил, смотрел работы Рогожина, ничего подозрительного не заметил. Вроде послышался какой-то шум, подумал – показалось. Остановился как раз у «Нимфы»... увлекся, очень ему картина понравилась. Поразила воображение! Пока рассматривал, наверное, кто-то к нему подкрался сзади. Полное освещение он не включал, в зале было полутемно. Потом удар, в голове помутилось, упал... и больше он ничего не помнит.

– Это все?

– Все, – вздохнул сыщик. – Сколько я ни старался, больше ничего вытянуть из него не смог.

– Думаешь, он был сообщником вора? Или воров? А по голове они ему дали для правдоподобности, чтобы отвести от охранника подозрения?

Смирнов пожал плечами:

– Не похоже. Парень расстроен, напуган... глаза опухшие, голова болит. И действовал он не по инструкции. Вместо того чтобы сидеть у пульта, отправился бродить по залу, оружие с собой не взял... Будучи соучастником кражи, он повел бы себя по-другому, чтобы не навлечь на свою голову неприятности.

– Ой, мы же не завтракали! – вдруг невпопад заявила Ева. – Ужасно кушать хочется.

Всеслав удивлялся этой ее способности перескакивать в разговоре с одного на другое без всякого перехода. Он тоже сразу почувствовал голод. Если бы Ева не напомнила о еде, он бы не спохватился до вечера. Интенсивный мыслительный процесс заглушал потребности его организма. Тогда как у Евы размышления, напротив, пробуждали зверский аппетит.

Они перекусили в маленьком кафе пельменями и салатом по-гречески.

– Мне пора на занятия, – с неохотой сказала Ева. – А ты куда сейчас?

– Поеду в Лозу, искать Рогожина. В прошлый раз бабка, его соседка, говорила, что покойная мать оставила ему дом в деревне. Может быть, кто-то знает, где этот дом? Вернусь поздно, так что не жди, ужинай и ложись спать.

– Значит, твоя поездка в Серпухов отменяется?

– Пока да, – вздохнул Смирнов. – Завтра утром будет Серпухов. Не разорваться же мне?!

– Хочешь, я вместо тебя съезжу? – предложила она. – Нужно разыскать девушку. Брат волнуется, мама у них больная.

– Посмотрим... – сыщик неопределенно повел плечами. – Завтра решим.

Они разошлись каждый по своим делам. Улицы были залиты солнцем, а в затененных местах уже по-осеннему, плотными пластами, лежала сумеречная мгла.

Ева вернулась домой, когда почти стемнело. Славки не было. Она без аппетита поела, сделала себе большую чашку кофе с корицей и засела читать тетради Алисы.

...Взрослея, я ждала любви. Я обманывалась, принимая за нее то одно, то другое. Большое влияние на меня оказывала литература – Толстой, Тургенев, Куприн, – выдуманные истории, заполняющие пустоту в моем сердце. Или невыдуманные? Неужели с кем-то когда-то происходило нечто подобное? Или автор создал все это в своем воображении? Последнее было бы ужасно

Иногда мне кажется, что мы приходим в этот мир учиться любить. А иногда что любовь – всего лишь ускользающий вымысел, тень, которую не поймать, сколько ни пытайся. Когда людям чего-то не хватает, они это придумывают. И тогда можно жить дальше.

В девятом классе я впервые поцеловалась с мальчиком. Не понравилось. Мои ожидания не оправдались. Хотя... все правильно – тень оказалась тенью.

Я начала задумываться: что есть любовь – телесное или небесное? Ну вот, почти в рифму получилось. Может, мне начать стихи писать, как Марина Цветаева или Анна Ахматова? Придумывать то, чего на самом деле не существует? А другие пусть читают и завидуют. Иногда я замираю от предчувствия необыкновенного события, которое перевернет мою жизнь, а иногда... мне кажется, что самое главное и значительное происходит где-то в другом месте.

Смерть отца произвела на меня жуткое впечатление. Наверное, только потрогав его холодную, неподвижную руку, я осознала, что существует этот неосвязаемый, неосязаемый переход... Куда? В какие дали? Ум теряется перед этим вечным вопросом, приходит в замешательство и замолкает. У него нет ответа. А у кого есть?

Интересно, другие люди тоже размышляют о подобных вещах? Или только я такая дотошная?

Как ни странно, мои мысли отражаются на моем поведении и даже на моей внешности. Они не привлекают ко мне людей, а отпугивают их. Все мальчики, с которыми я начинала встречаться, охладевали после нескольких откровенных разговоров. Они смотрели на меня, как на чокнутую... и уходили.

Когда в моей жизни появился Глеб, его не шокировали мои взгляды. Это меня удивило и обрадовало. Не такая уж я белая ворона!

* * *

Незадолго до описываемых событий.

Глеб Конарев помнил первую встречу с Алисой до мельчайших подробностей.

Она скучала на институтской вечеринке, а он уже собрался уходить. Подобные сборища давно перестали его привлекать. Что он здесь делает? И тут... он увидел ее. Смешно сказать, но у Глеба перехватило дыхание, как будто он внезапно перенесся на невообразимую высоту и разреженный воздух хлынул в его привыкшие к умеренности легкие. Он отдышался и заставил себя подойти к ней, сказать пошловато-игривым тоном:

– Скучаем?

Она вздрогнула, в ее глазах мелькнуло недоумение.

«Где она была раньше? Почему я ее не видел? – подумал Глеб. – Наверное, время не пришло. А теперь?»

Все отступило, отошло прочь, и осталась только она – единственная. Так бывает. Не надо искать причин и поводов, не надо ни в чем сомневаться. Разве, глядя на звезду, раздумываешь – звезда это или не звезда? Свет... его ни с чем нельзя спутать. Просто идешь на него, как на маяк в ночи.

С той вечеринки они ушли вдвоем.

Жизнь Глебу медом не казалась с самого рождения. Мать растила его одна – без бабушек и дедушек. Чтобы не отдавать малыша в ясли и садик, бросила хорошую работу. Устроилась приемщицей в прачечную, откуда и ушла на пенсию. Жили на гроши, от зарплаты до зарплаты. Глеб был поздним ребенком женщины, которая отчаялась выйти замуж и решила скрасить свое одиночество воспитанием сына. Подрастая, он задавал вопросы об отце, но так и не получил ответа. Отчество у него было по деду – Александрович, и фамилия тоже.

– Мы, Конаревы, гордые, – с горечью повторяла мать. – Оттого и страдаем.

Глеб с детства понял, что быть «гордым» отнюдь не сладко: денег нет, есть приходится одну картошку и капусту со своего огорода, одежду донашивать с чужого плеча; жить в старом доме, где течет крыша и скрипят разошедшиеся полы. В десятом классе он пошел работать на почту – разносить газеты, заказные письма и телеграммы. Учился он хорошо и после школы решил ехать в Москву, поступать в Институт финансов. На помощь матери рассчитывать не приходилось, поэтому Глеб устроился еще на одну работу – грузчиком в вечернюю смену. Было трудно, но он привык.

На девушек он начал засматриваться лет с шестнадцати: отношения завязывались легко, непринужденно, но скоро обрывались. Тискаться по темным углам Глебу быстро надоело, а говорить с девушками было не о чем. Их интересы ограничивались сплетнями и пустой болтовней, изобилующей жаргонными словечками. Угощать их выпивкой и сигаретами на заработанные после уроков деньги Глеб себе позволить не мог. А чем еще заниматься?

В Москве не все сложилось, как ожидалось. В институт он не поступил, но это было и к лучшему – потому что за учебу пришлось бы платить, а денег у Глеба едва хватало на самое необходимое. В Серпухов возвращаться он не стал, нашел частную строительную бригаду, упробовал взять разнорабочим. По ходу дела приобрел квалификацию каменщика и за пару лет заработал на ремонт дома и на первый год учебы в институте. Поступил, получил место в общежитии, устроился грузчиком в ближайший магазин, но из строительной бригады совсем не ушел – договорился, что будет работать в летние сезоны.

Жить в столице было другое, не такое, как в тихом Серпухове, – бурное, беспокойное и напряженное. Глеб учился, работал, на лето ездил с бригадой в Подмосковье строить коттеджи, и ему было не до прекрасного пола. Так, иногда взглянет мельком на девушку, отметит, что симпатичная... и все. До ухаживаний дело не доходило. Интимные связи с сокурсницами,

проживающими в общежитии, случались редко и в основном в подпитии. Некоторая свобода нравов не шокировала Глеба, он ко многому в жизни относился с несвойственной его возрасту философской мудростью.

Встреча с Алисой была подобна удару молнии, расколовшей его привычный, устоявшийся мир. То, что он ощутил при виде нее, поразило Глеба, приковало его к ней теми ослепительными цепями, той неразрывной силой, которую ни объяснить, ни понять невозможно.

Удрал с вечеринки, они долго бродили по вечерней Москве, говорили обо всем и ни о чем. Глеб словно погрузился в сон, который лишь частично осознавал. Он мог передвигаться, дышать, видеть и слышать, но его сознание заволокла полутуманная пелена, в которой звучал голос Алисы и горели ее зеленые глаза. Через эту пелену слабым призраком проступал остальной мир, который раньше казался Глебу вполне реальным. В один миг все перевернулось, переоценилось и преобразилось – сон и явь смешались, мечты и действительность поменялись местами.

– Алиса, – сказал Глеб, когда они прощались у подъезда ее дома в Медведкове. – Я не знаю, что со мной. Мне кажется, я погружаюсь куда-то, откуда нет и не будет возврата. Я не знаю слов любви и не умею их говорить... я даже не могу думать сейчас! Все окружающее меркнет, оно стремительно теряет прежний смысл и значение...

Алиса молчала. На ее губах лежал отблеск тусклого фонаря, одиноко горящего в ночной тьме. Не осознавая, что он делает, Глеб наклонился и поцеловал этот блик света на ее губах. Показалось – ее теплые губы чуть шевельнулись в ответ.

Глеб не помнил, как он добрался до общежития, нашел свою комнату и улегся спать. Он все еще находился во власти того ощущения, того прикосновения к губам Алисы...

На следующий день Глеб отыскал Алису в коридоре института. Они учились на разных факультетах, но он не мог понять, как до сих пор нигде не встречал ее, не знал о ней. Он показал ее своему товарищу, спросил:

– Кто она?

– Это? Алиска Данилина! Ты что, не знаком с ней?

– Нет... – соврал Глеб.

– Ну, ты даешь, парень! Она же на всех институтских вечерах читает стихи... Баратынского, Цветаеву, Ахматову... Неужели ни разу не слышал?

– Нет...

Товарищ подозрительно уставился на Глеба, который даже побледнел от волнения.

– Ты, часом, не влюбился? – ухмыльнулся он. – А у тебя губа не дура! Девчонка хоть куда. Красавица, умница, только того... со странностями. К ней уже не один подъезжал, и все получили от ворот поворот. Привередливая девица эта Алиса! Гляди, не обожгись, Глебушка...

Если бы Конареву сказали, что Алиса Данилина проститутка, сумасшедшая, одержимая дьяволом или неизлечимо больная, это не возымело бы никакого действия. Он безоговорочно принимал в ней все.

После занятий он подждал Алису у остановки троллейбуса.

– Привет, – без улыбки сказала она и вздохнула. – Меня ждешь?

– Тебя...

– Зачем?

– Не знаю.

Глеб сказал правду. У него не было ни одной причины ждать Алису, кроме жгучего желания видеть ее, дышать с ней одним воздухом. Но разве об этом скажешь?

– Ладно, пошли.

Она легко, не оглядываясь, следует он за ней или нет, поднялась в троллейбус. От ее волос шел слабый горьковатый запах духов. Люди плотно прижали их друг к другу, и Глебу казалось, что он не доедет живым – сгорит. Вдруг Алиса зашевелилась, высвобождая руки, сказала:

– Нам сейчас выходить.

Они выбрались из переполненного троллейбуса, медленно пошли к парку. Под ногами шуршала тронутая инеем листва. Ранний закат придавал воздуху цвет меди и янтаря. Поздние хризантемы засыхали на клумбах. Деревья стояли притихшие, все в холодном осыпающемся золоте.

– Почитай мне стихи... – попросил Глеб. – Я ни разу не слышал.

Она подняла брови:

– Разве?

– У меня почти нет свободного времени, – объяснил он. – После пар бега на работу в магазин, таскаю ящики. Потом до полуночи готовлюсь к занятиям.

– Ты любишь поэзию?

– Я мало читал.

Глеб только сейчас, после встречи с Алисой, начал осознавать, чего он был лишен в жизни. С самого детства он знал только нужду и бесконечную работу – в доме, на огороде, на почте, бегая по улицам в дождь и снег с тяжелой сумкой на плече, не чувствуя от холода рук и ног. Потом оказался в Москве, один на один с ее безразличной громадностью, полным равнодушием к его судьбе – жил где придется, голодал, работал как проклятый, в любую погоду, под открытым небом. Как ни странно, лишения закалили и его характер, и его здоровье. Он ничего не боялся, наверное, оттого, что ему было нечего терять. И во всем полагался на самого себя, потому что ему не на кого было рассчитывать.

Алиса остановилась. В ее волосах застрял маленький розоватый листок осины, на щеках лежала тень от ее длинных ресниц. Глеб почувствовал, как к горлу подступает ком, а глаза наполняются влагой. Он тряхнул головой, отгоняя непрошеное настроение. Что это? Он вот-вот заплачет? Не хватало еще так опозориться перед девушкой!

Он отвернулся, вдыхая запах увядающего парка, прелой листвы.

– Какие стихи тебе нравятся? – спросила Алиса.

Ее голос прозвучал глухо, сквозь пелену наваждения, охватившего Глеба с такой силой, что он испугался. Может быть, впервые за свою недолгую жизнь.

– Тогда я сама выберу, – не дождавшись ответа, сказала она. – Из Микеланджело.

Глеб молча кивнул.

Алиса читала, как на сцене – прекрасно поставленным голосом, выразительно, чувственно, переживая всем своим существом каждое слово, каждый звук. И заставляя переживать слушателя.

Моя любовь не в сердце у меня,
Люблю тебя, но не земной любовью:
Не смертным чувством и не смертной кровью
Дано вкусить небесного огня...

Глава 7

Поздно вечером 23 августа, по окончании первого дня работы выставки, господин Чернов лежал у себя дома на диване с компрессом на лбу – все подробности минувших событий прокручивались в его уме, не давая уснуть.

Перед самым открытием они с Шумским поспорили – говорить Геннадию о краже или оставить его в неведении.

– Спонсор имеет право знать, что происходит на выставке, – говорил Федор Ипполитыч, промокая вспотевшую лысину носовым платком. – Она организована на его деньги.

– Но мы же не злоупотребляем ни его доверием, ни его финансами, – оправдывался Чернов. – Ограбление – не наша вина. Если мы заявим о ночном происшествии правду, вернисаж может быть сорван. Разве не в интересах самого мецената превратить досадную неприятность в триумф?

– Каким образом?

– Скажем Геннадию, что в последний момент решили в рекламных целях запустить «утку» о пропаже картины «Нимфа» и нескольких этюдов Рогожина. Народ падок на скандальные подробности. Представляешь себе заголовки в газетах? «Жемчужина выставки «Этрусские тайны» похищена накануне открытия!»

Шумский растерянно моргал, глядя на Анисима Витальевича.

– Не понимаю, в чем смысл, – признался он. – Картина действительно похищена, и...

– Если Геннадий узнает правду, мы не сможем продать копию «Нимфы»! – перебил его хозяин «Галереи». – Я не собираюсь упускать свою выгоду. Найдутся украденные работы – тем лучше, не найдутся – мы внакладе не останемся. Это раз. Кто знает, не лишимся ли мы обещанного вознаграждения, расписавшись в собственной халатности? Дескать, не сумели обеспечить надежную охрану творческого наследия Саввы Рогожина. Это два!

В минуты волнения речь господина Чернова приобретала нарочитую официальность.

– А вдруг покупатель обнаружит подделку? – не сдавался Шумский. – Или Савва появится и поднимет кипеж?

– Думаю, с художником мы сумеем договориться. А по поводу подделки... так Рогожин не Рембрандт! Кто потащит его полотно на экспертизу?

Федор Ипполитыч только кричал и качал головой. Авантюрные наклонности компаньона приводили его в трепет. Он был не прочь заработать, но не хотел рисковать.

– Э-э-э... как же мы продадим работы, если объявим об их пропаже?

– Будет еще одна сенсация, Федя. Украденные шедевры возвращены! Кстати, может, этот Смирнов в самом деле их найдет. А нет – так и не надо. Максимум через неделю копии будут готовы.

Шумский с сомнением хмыкнул, в очередной раз вытирая лысину. Не нравилась ему эта опасная затея. Впрочем, раздумывать было уже поздно.

– Что, если мы продадим копии, а Смирнов найдет подлинники?

– Выкрутимся! – уверенно сказал Анисим Витальевич. – Заплатим ему за молчание. Пусть это тебя не волнует, Федя. Я надеюсь, что сыщик нас не подведет. Если похищенное найдется, нам будет даже спокойнее. Оригиналы нигде не выплывут!

– А воры? Они-то молчать не станут.

– Им признаваться в ограблении ни к чему. И ворованное они назад не принесут. Не для того они брали картину, чтобы вернуть ее.

Шумский нервно кивал, чувствуя, как взмокла под рубашкой и пиджаком спина. У входа уже собралась толпа посетителей и журналистов, до назначенного времени открытия оставалось полчаса.

В зале успели навести порядок, заменить разбитую керамику, убрать осколки. Только на месте пропавших этюдов и «Нимфы» ничего не повесили. Скоро здесь зашумит возбужденная толпа, защелкают фотоаппараты, заработают видеокамеры... У Шумского закружилась голова от предчувствия скандала.

Геннадий приехал за десять минут до открытия и сразу прошел в зал. Увиденное поразило его.

– Где картина? – звенящим голосом спросил он. – Куда вы ее дели?

Федору Ипполитычу стало дурно. Он отошел к стене, взял с подоконника бутылку минеральной воды, налил себе и выпил.

Чернов, покрываясь красными пятнами, пустился в путаные объяснения. В какой-то момент Геннадий был готов схватить его за плечи и встряхнуть, но постепенно остыл. То, что картина не исчезла, а только спрятана от любопытных глаз, как будто успокоило его.

– По-моему, вы перестарались, господа, – холодно сказал он. – Мнимое похищение – это лишняя реклама для «Нимфы». Картина в ней не нуждается. Кстати, почему вы меня заранее не предупредили?

– Нам эта мысль пришла в голову вчера, поздно вечером, – отвел глаза Чернов. – Не решились вас беспокоить.

– Я так понимаю, механизм уже запущен, – криво усмехнулся посредник. – Значит, пусть все идет своим чередом. Да... я забыл спросить... Вижу, вы не внесли «Нимфу» в каталог?

– Н-нет... – промямлил Анисим Витальевич. – Это часть нашего плана: окружить полотно ореолом тайны. Картину никто не видел, кроме меня, вас и господина Шумского.

– Вам это удалось, – холодно кивнул Геннадий.

Чернов нарочно не упомянул об охраннике, который тоже видел «Нимфу». Семену было приказано держать язык за зубами.

– Если проболтаешься, заставлю выплатить материальный ущерб! – пригрозил парню хозяин «Галереи». – Ты таких денег отродясь не видывал. Придется квартиру продавать, у родственников одалживать... по миру пойдешь. Так что держи рот на замке!

Ляпин струхнул. Он чувствовал свою вину. Надо было сидеть у пульта, у телефона, при оружии. Глядишь, и не случилось бы кражи.

– Клянусь – могила! – прикладывал он дрожащие руки к груди. – От меня никто ничего не узнает.

– Ладно, иди, лечи свою голову, недоумок! – разозлился Анисим Витальевич. – Из-за тебя теперь одни хлопоты. Спрячься подальше и носа не высовывай!

Геннадий прервал его воспоминания о разговоре с охранником.

– Хочу вас предупредить, господин Чернов, – с металлическими нотками в голосе сказал он. – Мой поручитель может сам пожелать приобрести «Нимфу». Смотрите, чтобы картина находилась в целостности и сохранности.

В его глазах мелькнул недобрый блеск, а Чернова бросило в жар. Ноги стали ватными, во рту пересохло.

– Д-да... конечно... разумеется... – сам себя не слыша, забормотал он.

Геннадий сухо улыбнулся, откланялся. Когда затихли его шаги, к Анисиму Витальевичу подлетел Шумский.

– Вот! – брызгая слюной, зашептал он. – Я говорил, что это опасно! Как нам теперь быть?

– Не паникуй...

– Геннадия не проведешь, он что-то заподозрил! – держась за сердце, сокрушался Федор Ипполитыч. – Почему он про каталог спросил? А?

– Ну, спросил и спросил.

– Не-е-е-ет... – возразил Шумский. – Он просто так ни о чем не спрашивает!

– То, что картины нет в каталоге, пойдет нам на пользу, – рассудил хозяин «Галереи». – Нет ни снимков, ни каких-либо других изображений «Нимфы». Копию даже будет не с чем сравнивать.

– Как же нету? Как нету? А те фотографии...

– Молчи! – приложил палец к губам Чернов. – Нет никаких фотографий и не было. Понял?

– Рогожин подделку признает... его не обманешь. Страшно мне, Анисим!

– Художника еще найти надо. Объявится – договоримся! Деньги – великая сила, Федя.

– Я как подумаю об этом... спонсоре, – судорожно вздохнул Шумский, – у меня аж мороз идет по коже. Вот я его не знаю, ни разу не видел, а уже боюсь.

– Тебе не бизнесом заниматься надо, а в монастырь идти, постриг принимать! – потерял терпение Анисим Витальевич. – Нельзя же трястись от страха по всякому поводу?! Допустим, догадается покупатель, что вещь не подлинная... да ведь не убьют нас за это! В крайнем случае вернем деньги. Ну, просльвем мошенниками, лишимся репутации... Тоже не смертельно. Выкрутимся как-нибудь! Не впервой.

– Хоть бы Смирнов нашел настоящую картину, – прошептал Федор Ипполитыч и суеверно перекрестился. – Спаси нас, господи, и сохрани!

– Перестань...

В присутствии гипсового Аполлона, взирающего на них с откровенно насмешливой улыбкой, упоминание о другом божестве выглядело нелепо. Шумский сам смутился, покраснел.

– Фу-ты... – вздохнул он. – Ну и денек!

– Пора начинать, – сказал Анисим Витальевич, глядя на часы. – Народ заждался.

Открытие выставки «Этрусские тайны» произвело фурор. Было много журналистов, критиков и представителей богемы. Дорогие буклеты разлетелись с быстротой молнии. Пришлось посылать в типографию за второй партией.

– Я говорил, надо привезти все, – довольно улыбался хозяин «Галереи». – Какой успех!

Большинство посетителей, желая выглядеть интеллектуалами и тонкими знатоками искусства, шумно восхищались, обсуждали эскизы фресок, этюды и своеобразную манеру живописи Рогожина. Звучали древние названия этрусских городов – Цере, Тарквиния... Множество людей толпились у пустого места, где должна была висеть «Нимфа», как будто они могли ее увидеть. Отсутствие картины в каталоге распалало воображение. На ходу придумывались версии происшествия, одна замысловатее другой. Шумский и Чернов сохраняли невозмутимое молчание сфинксов. Это сбивало с толку, заставляло искать самые невероятные объяснения пропажи.

Отсутствие Саввы Рогожина тоже сыграло свою роль. Пошли слухи, будто художник пришел в отчаяние, лишившись лучшей картины, погрузился в глубокую депрессию, напился и даже хотел покончить с собой. А возможно, и покончил. И что в образе нимфы он запечатлел свою бывшую возлюбленную, трагически погибшую.

Тема смерти обсасывалась со всех сторон, обрастая романтическими и загадочными подробностями. Словом, журналисты, которым господин Чернов заранее заплатил, старались вовсю. Их фантазиям не было предела, как и любопытству публики.

Анисим Витальевич переутомился и к вечеру свалился с головной болью. Его одолевали дурные предчувствия...

* * *

Ночью, накануне того же дня, в Лозе прошел ливень. На дорогах стояли лужи, в которых отражались бегущие по небу обрывки туч. Деревья и трава успели немного просохнуть, но воздух был напитан испарениями земли; в низинах стелился молочный туман.

Старуха, соседка Рогожина по дому, стояла на крыльце, подслеповато шурилась из-под низко повязанного платка.

– Ничего не знаю, милоч... Савву, видно, бес попутал. Он сначала выпивал понемногу, а потом все больше и больше. Жил одиноко, бобылем. А холостая жизнь мужика губить! Видать, запил совсем, застрял у какой-нибудь пьянчужки, и квасят они теперь на пару. У нас ведь баб-алкашек хватает...

Смирнов поднялся по шатким, скрипучим ступенькам наверх, к двери художника, долго стучал, прислушивался – ничего. Бабка врать не станет, это он так решил проверить, для очистки совести.

Во вчерашний свой приезд в Лозу сыщик не смог встретиться с участковым милиционером, поговорить. Тот уехал на свадьбу в соседнюю деревню.

– Сегодня мне повезет, – бормотал Всеслав, топая по заросшей бузиной и рябиной улочке к отделению милиции. – Участковый окажется на месте, живой, трезвый и в хорошем расположении духа.

Его молитвы были услышаны на небесах, потому что милиционер Коля Зыков как раз вернулся со свадьбы. Он сидел в тесном кабинете, изнывая от головной боли и с тоской глядя за окно на желтеющие старые клены. Перед ним стоял графин с водой, за которой он ходил к целебному ключу, коих на окраинах поселка имелось великое множество. Вода помогла унять тошноту и рези в желудке, но против тяжести в голове и ломоты в висках оказалась бессильна.

– Вам кого? – поднял Зыков глаза на вошедшего.

Всеслав представился сотрудником фирмы «Галерея» и даже показал соответствующий документ, выданный ему Черновым.

– Я ищу художника Рогожина, – без обиняков сказал он. – У нас с ним контракт.

– Ну и что? – не понял милиционер.

– Пропал куда-то Савва Игнатьич! Заказчик ждет, нервничает... фирме придется платить неустойку. Не могли бы вы помочь мне найти Рогожина? – Он вынул из кармана и положил на стол денежную купюру. – Разумеется, не бесплатно.

Зыков задумался, потирая ноющий затылок.

– Это не тот, что церкви расписывает? – спросил он.

– Тот, – обрадовался Смирнов. – Именно тот! Может, он работает в каком-нибудь храме? Или у женщины проживает? Есть у него знакомые, друзья?

– Событыльники, – поморщился милиционер. – Пашка Лосев по кличке Лось, первейший его дружок. Они и пьют вместе, и святых на стенах рисуют. Вам адресок дать?

Смирнов записал адрес Лосева.

– Если Рогожина там нет, я опять к вам приду.

– Ладно. Будем думать... Лоза – поселок маленький, здесь человек бесследно не затеряется. Кто-то что-то слышал, кто-то что-то видел. Найдем.

Павел Лосев проживал в одноэтажном деревянном доме с резными наличниками, ставнями и красивым крыльцом. На подоконниках цвела розовая и белая герань. Во дворе лохматая собака дремала у будки. Она лениво приоткрыла глаза и тут же снова уснула.

– Эй, хозяин! – крикнул Смирнов, открывая калитку.

Собака вздрогнула, приподнялась и негромко гавкнула. Из окна высунулась худая старуха.

– Проходи, сынок, – сказала она. – Найда не кусается.

Собака, виляя хвостом, нехотя поплелась к крыльцу, принюхиваясь, не угостят ли ее чем-нибудь вкусеньким. Старуха, высокая и костистая, одетая в темное платье, показалась в дверном проеме.

– Тебе небось Пашка нужен? – спросила она хриплым прокуренным голосом.

– Я насчет работы, – улыбнулся Всеслав. – Слышал, он храмы расписывает.

– Нынче от Пашки толку не будет, – вздохнула старуха. – Запил, паршивец! Другую неделю не просыхает. Тут давеча приезжали какие-то... из города, пытали про Савву. Да разве от алкаша чего добьесси? Мычить и мычить... головой мотаешь, как мерин... Ох-хо-хо! Наказал бог сыночком...

Старуха горестно поджала губы.

– А кто приходил, когда?

– Не вчера, а...

– Позавчера? – уточнил Смирнов.

– Ага, – кивнула старуха. – К вечеру. Приличные люди... Савву искали, дружка Пашкиного. Мы вместе с его матерью на ферме работали. Славная баба была Таля, померла давно. А парень у ей непутевый, на агронома учиться не стал, все картинки разные рисовал... в Москву уехал. Потом, правда, вернулся. Что это за работа – кисточкой бумагу марать? Одно слово – лентяй и неумеха. И моего дурака на мазню эту подбил, прости, господи! Савва, значить, рисуешь, а Пашка ему то лестницу держать, то кисточки и краски подает... вроде как на подхвате.

– Могу я поговорить с вашим сыном? – спросил сыщик. – Если он сам заказ выполнить не может, пусть хоть с Саввой меня сведет.

– Нету Саввы! – сердито сказала старуха. – Он где-то работу хорошую нашел, а Пашку не взял. Сам делает.

– Жалко, – притворно огорчился Смирнов. – Мне срочно нужно. А что за работа у Саввы?

– Кто ж его знает? Говорю же, Пашку не взял, не признался даже, куда едет... нехристь! А мой балбес обиделся, в погреб забрался и полбутыли самогону вылакал. С тех пор и пьеть... холера на мою голову! Иди, сам погляди, какой с него работник.

Старуха сердито повернулась и скрылась в темной глубине дома, сыщик поспешил за ней. В горнице на высокой железной кровати лежал навзничь и храпел худосочный небритый мужик лет сорока, беспробудно пьяный, распространяющий вокруг себя запах перегара. Все попытки Всеслава растолкать его и привести в чувство ничего не дали. Пашка Лось дергался, мычал, но и не думал просыпаться.

– Спать как убитай, – сказала старуха. – Нынче ночью сильная гроза была: громело и сверкало, как в преисподней! Я со страху-то в чулане заперлась, а Пашке хоть бы что... храпить и храпить. Утром глаза продрал, самогон допил и опять свалился.

– Да, вряд ли я смогу с ним поговорить... – огорчился Смирнов. – Что же делать? Хоть бы Савва объявился! А есть в Лозе еще художники?

– Не-а... – мотнула седой головой старуха. – Нету.

– Савва с кем-нибудь дружил, кроме вашего сына? Может, друзья подскажут, где мне его искать?

– Я Рогожиных издавна знаю, – вздохнула бабка. – Савва с детства бирюк такой-то: набычится, вперится в одну точку и сидеть... или малюет свои картинки. Блаженной... Какие у него друзья, откуда? Прилепился вот к моему Пашке, вместе и кукуют. То бранятся, то целуются... особенно по пьяни. Да ты не кручинься так, сынок, – жалостливо пропела старуха, глядя на гостя. – Бяри ноги в руки и шагай в соседнюю дярвеню, авось Савва там – работу закончил и деньги прогуливает.

– В какую дярвеню? – оживился сыщик.

– В Ключи. Мы там раньше жили, опосля уж в Лозу подалися... А Таля дом покидать пожалела, вернулася, да и померла там одна-то. В ейном доме теперя Савва заправляет... матери нету, ему и бог дал – то бабу привести туда, то пьеть в одиночку, то картинки срамные малюеть... полуголых всяких... Тьфу! Я и городским тем-то, какие его спрашивали, про Ключи рассказала. Они на машине были, поехали... а нашли Савву аль нет... не знаю. Съезди и ты, милоч. Талин дом стоит на отшибе, почти у самого леса, а во дворе колодезь с пятахом. Его Савва ишшо мальцом вырезал, прибил и раскрасил.

– А как туда добратся, в Ключи? Автобус ходит?

– Ходить, только редко. Пяшком дойдешь, ты молодой, прыткий, – улыбнулась старуха, показав несколько уцелевших зубов.

Смирнов поблагодарил ее и зашагал по укатанной телегами мокрой грунтовке. Она тянулась вдоль пруда, заросшего ольхой и камышом. По дороге сыщик размышлял. «Люди из города, о которых говорила старуха Лосева, видимо, Шумский и Ляпин, приезжавшие в Лозу на поиски Рогожина. Ездили они в Ключи или поленились? Скорее всего, ездили. Им было необходимо найти художника как можно скорее. Значит, Рогожина в Ключах не оказалось. Время поджимало, до открытия выставки оставался один день, и Чернов решил обратиться ко мне. Я приехал, не нашел Савву по указанному адресу, не застал участкового милиционера, расспросил бабку-соседку и людей, проживающих рядом с домом Рогожина, ничего от них не добился и вернулся в Москву. Если бы я вчера пришел к Лосевым и узнал про Ключи, удалось бы мне найти художника?»

Интуиция подсказывала ему, что нет, а разум твердил обратное. Приди он к Лосевым вчера...

– Нечего сожалеть о прошлогоднем снеге! – сердито проворчал Всеслав, уступая дорогу резво бегущей лошадке.

Лошадка везла большую телегу, на которой сидел молодой парень в кепке. Он оглянулся на Смирнова, весело улыбнулся и остановил лошадь.

– Подвезти? – спросил. – Я в Ключи еду, к тетке, кабанчика резать. Если по пути, садись.

Смирнов без лишних разговоров забрался на телегу и уселся, свесив ноги. Как давно он не ездил на телеге? Наверное, лет семь или восемь. Стук колес по деревенской дороге, запах сена, лошадиного пота, ремней, говорок парня, который сетовал на дождь и на скуку, убаюкивали Всеслава. Иногда колеса попадали в полные жидкой грязи колеи и хлюпали, чавкали. Наверное, он задремал.

– Эй, тебе куда? – спросил парень, оглядываясь. – Приехали.

Сыщик открыл глаза и увидел глухую деревеньку Ключи – потемневшие деревянные домики, окруженные садами и огородами. Пахло навозом, дорожной грязью. Где-то брехали собаки, у заборов копошились куры. Он поблагодарил парня кивком головы и слез с телеги, разминая затекшее тело.

«Немой, что ли? – удивился про себя парень, трогая. – Молчить и молчить, будто воды в рот набрал».

Смирнов молчал намеренно. В его планы не входило докладывать всем и каждому, кто он и зачем приехал. Отчего-то стало тревожно...

Заросшая бурьяном улочка была пустынна, много домов выглядели заброшенными – ставни и двери заколочены, заборы покосились. Улочка привела его на окраину деревни, к лесу. Дом, доставшийся Рогожину по наследству от матери, действительно стоял особняком, в отдалении, почти на краю дубовой рощи. Забор местами развалился, двор зарос рябинами, высокой травой.

Вокруг стояла та безмятежная, благодатная тишина природы, которой никогда не бывает в городе. Слабо шумели огромные, омытые ливнем груши-дички, закрывающие дом от любопытных глаз, жужжали насекомые, влажно пахло разнотравьем и дубовыми листьями. Среди

кустов шиповника, усыпанного мелкими красными плодами, виднелся колодец; черную крышу над ним украшал облезлый деревянный петух. Едва заметная тропинка вела к крыльцу дома, двери и ставни были закрыты.

Смирнов внимательно осмотрелся, прислушался и двинулся вперед. Ступеньки крыльца почти сгнили, и подниматься по ним надо было осторожно. Всеслав потянул дверь, она с тихим скрипом отворилась...

Глава 8

Ева так и заснула, не дождавшись Славки. Утром ее разбудил мелодичный звон будильника. Было слышно, как в ванной шумит вода, значит, знаменитый сыщик уже проснулся и принимает душ.

Она отложила тетрадь Алисы, над которой уснула, накинула на себя шелковый халат и отправилась в кухню. Чайник закипал, на столе стояла тарелка с ее любимыми пирожными, пахло свежесмолотым кофе. Интересно, когда Смирнов успел купить пирожные? Она вчера уснула после двенадцати, а его все еще не было.

Ева сварила кофе и разлила его по чашкам, когда в проеме двери показался улыбающийся Всеслав.

– Ты нашел Рогожина? – спросила она.

– Почти... Давай завтракать, а то я опаздываю.

– Ну, вот, – огорчилась Ева. – Я тебя вчера ждала, ждала, хотела обо всем расспросить...

– Потом. Зато у меня приятная новость. – Смирнов подошел и обнял ее сзади, прижался губами к затылку. – Ты едешь в Серпухов.

– Вместе с тобой? – обрадовалась Ева.

– Одна.

– Как? – Она сердито нахмурилась и выскользнула из его рук. – Почему?

– Ты же сама предлагала!

– Да, но... Тебе нужна моя помощь?

– Очень нужна, – спрятал улыбку Всеслав. – Ты даже не представляешь, как ты меня выручишь. Видишь ли, дело Рогожина оказалось гораздо сложнее, чем я думал. Придется мне сегодня усиленно поработать в этом направлении. А поиски Алисы Данилиной скорее развлечение... Думаю, если серпуховский адрес из ее записной книжки именно Глеба Конарева, то она, вероятно, там. Поговоришь с ней по душам, как женщина с женщиной, убедишь ее вернуться домой или хотя бы позвонить матери и брату, которые с ума сходят от беспокойства. Если девочка хотела их наказать, то уже добилась своего, и можно дать им поблажку. И все в таком духе... У тебя это получится лучше и мягче, чем у меня. Только вообрази себе – являешься частный детектив, нанятый братом, который выследил беглецов и теперь намерен доставить Алису домой чуть ли не под арестом. Куда это годится? У Данилиных отношения между собой и так натянуты – дальше некуда.

– Ты прав, – согласилась Ева. – Мое появление не произведет столько шума и возмущения, как твое. И мне будет интересно. Читая записки Алисы, я начинаю проникаться ее внутренним миром: он удивительно напряжен, запутан и противоречив. Хочется посмотреть, какова же эта девушка в жизни, как она выглядит. Фотографии – лишь бледные тени, они не передают в полной мере ее облик.

– Почему? – вскинул брови сыщик. – По-моему, как раз наоборот. Снимок выхватывает и подмечает то, что в обычной жизни ускользает от внимания.

Ева упрямо качнула головой.

– Фотографии – это всего лишь застывший, мертвый слепок жизни, тогда как сама жизнь – вечно изменяющаяся истина.

– Ты училась в школе Сократа, – делая серьезное лицо, сказал Всеслав. – Или Платона. *Изменяющаяся истина!* Неплохо придумано, дорогая Ева. Головоломка для философов еще та!

Он не выдержал и засмеялся. Ева надулась.

– Конечно! – с вызовом заявила она. – В казарме этому не научишься. Поэтому все бывшие военные такие нечувствительные к юмору и философии. Они мыслят прямолинейно. Их рассуждения движутся в строго заданном направлении, как трамваи по рельсам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.